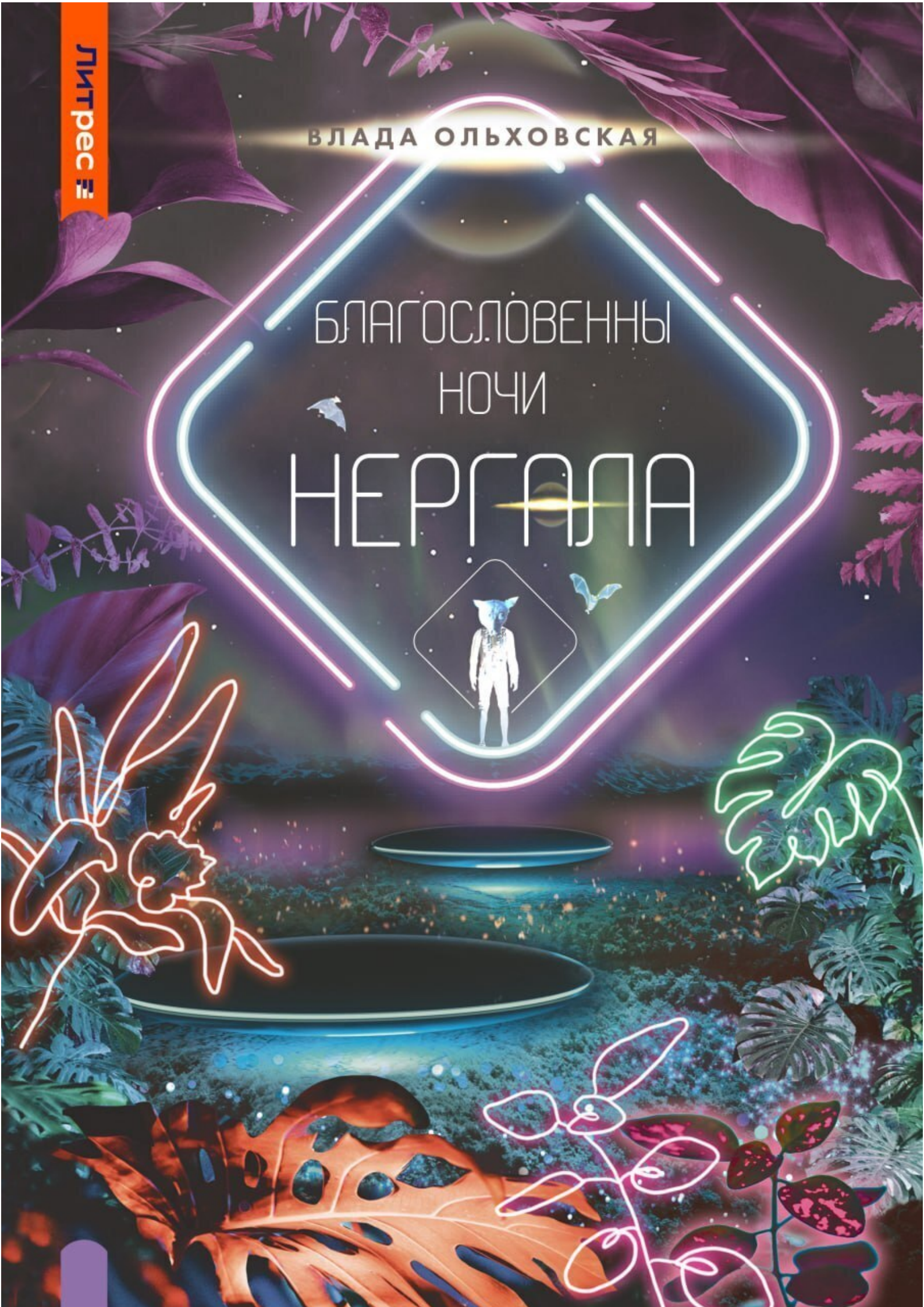

Литрес

ВЛАДА ОЛЬХОВСКАЯ

БЛАГОСЛОВЕННЫ
НОЧИ
НЕРГАЛА

Северная корона

Влада Ольховская

Благословенны ночи Нергала

«Влада Ольховская »

2023

Ольховская В.

Благословенны ночи Нергала / В. Ольховская — «Влада
Ольховская », 2023 — (Северная корона)

Нергал – прекрасная планета-ночь. Жизнь здесь просыпается во тьме, а день полон кошмаров. Но люди нашли себе место даже в этом странном мире, основав великолепную колонию. Они пригласили космический флот на свою территорию – и начались переговоры о сотрудничестве... Теперь назначение на Нергал получает команда «Северной короны». Уже не чтобы наладить контакт с колонией, а чтобы определить, кто уничтожил переговорщиков, и наказать убийцу, не став при этом новыми жертвами.

© Ольховская В., 2023

© Влада Ольховская , 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Влада Ольховская

Благословенны ночи Нергала

© Влада Ольховская, 2023

Глава 1

Лорена сотни, тысячи раз представляла себе день, когда у нее появится шанс отомстить. Она не ожидала, что этот день наступит так скоро.

Начиналось-то все неплохо и шло строго по плану. Сборщики уже завершили свою работу и отступали вверх по дороге, прикрытые туманом. На поляне остались только Лорена и Алессио, два офицера, управляющие боевыми роботами, как и положено. Они оба использовали пятый доспех и были опытными воинами, чего им бояться? Они расслабились, перешучивались по рации, они следили за временем, ожидая час отступления.

Потом появились дикари, но это тоже было не так уж страшно. Что могли сделать эти полуживотные со своим примитивным оружием полноценному отряду? Скорее всего, они не охотились на сборщиков намеренно, это были обычные патрульные, которые имели несчастье свернуть не туда. Если бы природа отмерила им чуть больше мозгов, они догадались бы отступить – а они рванулись вперед. Прямо на отряд. Им почему-то казалось, что если им противостоят всего два человека, то победа обязательно будет за ними – стоит только убить этих двоих и роботы станут бесполезны! Опыт их ничему не научил. Об этом размышляла Лорена, разглядывая окровавленные трупы дикарей.

Ну а потом появился он. Выскользнул, неслышный, из завесы тумана. Замер, не таясь, позволяя разглядеть себя. Он хотел, чтобы они видели, чтобы боялись. А ведь он даже не знал, как способен повлиять на Лорену! Он просто запугивал их, как запугивал бы любых противников: человеческое тело, голова монстра, тени, разрывающие крыльями туман, кружат вокруг него зловещим живым ураганом... Вестник смерти, а не жизни.

Лорена почувствовала, как сердце испуганно замирает, а потом разгоняется в груди. Быстрые удары, гул в голове, эхо в ушах. Перед глазами уже не этот холм и не этот туман, а все те фантазии, которые стали смыслом ее существования за последние годы.

В своих мечтах Лорена всегда одерживала верх. Они встречались не среди холмов, а на той самой поляне, где погиб Невио... Только теперь место Невио занимала она. Дралась, отчаянная, быстрая, и побеждала. Ставила его на колени, отгоняла теней. Объясняла ему, за что он будет наказан – и убивала. Иногда – быстро, но чаще – медленно и мучительно, как и заслуживало такое животное. Он молил ее о пощаде, выл и скулил, а из звериной пасти хлестала нечеловеческая черная кровь... Лорена никогда не щадила его. Она прекрасно знала: только со смертью этого выродка планета очистится.

– Арн! Ты что там, мать твою, обгадилась от страха и теперь плещешься в этом?!

Голос Алессио, вырвавшийся из динамиков внутри доспеха, вернул Лорену к реальности, разорвал завесу кровавых фантазий. Это было к лучшему: нельзя расслабляться, она ни к чему подобному не готовилась сегодня, этот противник не из тех, кто отдаст свою жизнь легко. Но и отступать нельзя: второго шанса может не быть. Сама судьба свела их здесь, и Лорена обязана была победить, потому что правда оставалась на ее стороне.

Вот только Алессио придерживался иного мнения.

– Отступаем! Отступаем, пока этот ублюдок не спустился с холма вместе со своей стаей!

Алессио был в ужасе и не пытался это скрыть. Да и понятно, почему: считалось, что для сражения с любым из Глашатаев требуется минимум три полноценных отряда, иначе и начинать нет смысла. А у них был всего один, усеченный, охранный, предназначенный для совершенно иной миссии. Да, нужно было отступать... И все же она не могла.

– Нельзя, – нахмурилась Лорена, хотя напарник не мог ее увидеть. – Сборщики ушли недостаточно далеко. Он их догонит, если мы его не задержим!

– Задержим?.. Задержим?! Ты там окончательно двинулась? Это гребаный Глашатай Теней, если мы попытаемся его «задержать», он через пять минут будет зубы нашими костями чистить!

– У тебя истерика, – холодно указала Лорена. – Возьми себя в руки! Еще раз: если мы отступим сейчас, мы спасемся, а сборщики окажутся под ударом. У кого больше шансов против Глашатая?

На сей раз Алессио не спешил с ответом. Он затаился, в динамиках зависла тишина. Но этого и следовало ожидать: он все-таки был офицером, их учили подавлять страх. Что же до самого страха, вполне нормально поддаться ему, увидев Глашатая. Странной была как раз реакция Лорены, но ее собственный ужас оказался погребен под лавиной ненависти и мечтами о мести. Под правом на месть! На Нергале не нашлось бы человека, который заслуживал возможности казнить Глашатая Теней больше, чем Лорена Арн.

Алессио тоже вспомнил об этом, но истолковал по-своему.

– Ты готова рискнуть нашими жизнями, потому что вся такая добренькая или потому что у тебя зуд на тему мести? Тебе плевать на сборщиков не меньше, чем мне, Лора. Все ведь сводится к твоему мужу!

– Иди гори в Пылающей, я не собираюсь отступать!

– Ты не победишь его никогда в жизни, идиотка! Тут вопрос не в том, пострадают сборщики или нет, а в том, пострадаем ли мы вместе с ними!

Он, скорее всего, был прав, и все же... У них с собой три прото и двенадцать роботов пехоты. Маловато для сражения с Глашатаем Теней, однако определенный шанс на победу остается. И Лорена готова была держаться за этот шанс до конца. Страх смерти не обошел ее стороной, коснулся души ледяными пальцами. И все же ненависть пока была сильнее, она позволяла оставаться на месте, даже когда Глашатай Теней беззвучно скользнул вперед – вниз с холма, к отряду.

– Ты можешь идти, – позволила Лорена. – Если я останусь в живых, я никому не расскажу о твоей трусости.

Она действительно не нуждалась в поддержке Алессио. Любым отрядом управляли два офицера по очень простой причине: чтобы контроль над роботами не был утерян, если один из них умрет. Оставшегося было достаточно. Тут усеченный отряд оказался даже на руку Лорене, им проще было управлять в одиночку.

– Во-первых, ты не останешься в живых, ты позорно сдохнешь здесь и вряд ли успеешь даже осознать этот позор, – указал Алессио. – Во-вторых, для полноценного отступления мне нужны роботы, ублюдок наверняка пустит за мной сейкау, кто защитит меня от них?

– Сам защитишься.

– Не от целой стаи!

– Алессио, я по-другому не могу!

Она действительно не могла. Выжить – но вернуться к ночам, наполненным кошмарами, к воспоминаниям о человеке, которого больше нет и никогда не будет. К осознанию того, что ее мечты так и останутся мечтами, раз она не справилась сегодня. Согласившись убежать, она предаст Невио дважды.

Алессио, кажется, наконец понял это.

– Ясно. Жаль, что не можешь.

А потом он сделал то, чего Лорена от него не ожидала. Он выстрелил – но не в приближающегося Глашатая Теней, а в нее.

Он все рассчитал верно, с привычной точностью офицера. Заряда, который он выпустил, было достаточно, чтобы безнадежно повредить доспех Лорены. Сама она не пострадала – однако радоваться было нечему. Алессио знал, куда бить. Пятый доспех, минуту назад могу-

щественный и грозный, превратился в бесполезную металлическую раковину, способную разве что укрыть Лорену от ядовитой взвеси, да и то ненадолго.

Но главное, на поломку доспеха отреагировала система – так, как и было положено. Теперь, когда один из офицеров выбыл из боя, полный контроль над всеми роботами перешел к Алессио. Ну а этот проклятый трус тут же рванулся к дороге, сопровождаемый пехотой и всеми прото, как свитой.

Лорена попыталась сдвинуть доспех, перейти на аварийное управление, но все оказалось бесполезно. Даже Глашатай Теней не смог бы уничтожить оружие колонии так же быстро и легко, как один из офицеров.

– Алессио! – крикнула она в еще работавший микрофон. – Ты не можешь так поступить!

– Прости, Лора, но ты не оставила мне выбора.

– Ты понимаешь, что тебя за это ждет трибунал?!

– За что? За то, что тебя убил Глашатай Теней? Я здесь при чем?

И снова он был прав. Его не накажут за преступление, о котором никто не узнает. Ну а как узнать, если свидетелей нет? После такого Алессио не позволил бы ей выжить, даже если бы она согласилась на отступление. Лорене только и оставалось, что наблюдать, как он и роботы скрываются в рыжей дымке.

А вот Глашатай отступать не собирался. На это указывали сейкау, уже мелькавшие совсем близко, быстрокрылые тени, предвещавшие приход своего господина. Те, кому достанется тело Лорены, когда все закончится...

Она сжала кулаки, зажмурилась, чтобы хоть на пару секунд отстраниться от мира за пределами парализованного доспеха. Сделала глубокий вдох, медленно выдохнула. Ее сейчас переполняли ярость, ненависть и страх, опасные страсти для офицера. Хотелось плакать, сжаться здесь, послать сигнал бедствия, надеяться на чудо... Лорена отогнала это желание.

Нет, Алессио не решился бы на такую наглость, если бы не был уверен в исходе. Глашатай Теней, конечно же, заметил их обоих. Ему не важно, кто там кого предал, он не пройдет мимо возможности убить человека... Перед глазами мелькнуло тело, разрываемое на части, и кровь в воздухе... Так много крови. Алые ручьи, багряные реки. Это были не фантазии, это была память Лорены, дававшая ей право на отмщение.

А может, и на чудо? Почему нет? Да, умом Лорена понимала, что победа над Глашатаем Теней одного-единственного человека невозможна ни при каком раскладе. Но – вдруг? Когда она была маленькой девочкой, ей больше всего нравились истории о внезапных победителях. О тихонях, над которыми смеялись до последнего, об обретающих силу избранных...

Вдруг она тоже такая? Лорена никогда не решилась бы рассуждать об этом открыто, но сейчас от подобных мыслей становилось чуть легче. В конце концов, в своих фантазиях она дралась с Глашатаем Теней не в доспехе, а открыто, один на один. Именно так она выигрывала: чувствуя, как ломаются его кости под ее руками. Может, у нее все-таки получится?

Попытаться стоило хотя бы потому, что Лорена не готова была умирать в слезах и страхе. В битве, говорят, легче... Можно надеяться до последнего и даже не узнать свой последний удар.

Поэтому Лорена достала из металлического ящика респиратор и закрепила на лице. Фильтра должно хватить часа на два, а ей и столько не понадобится. Вооружившись двумя телескопическими дубинками, она покинула бесполезный теперь доспех.

Сейкау уже были совсем близко, наматывали круги в воздухе, шипели и выли. От этих звуков мурашки шли по коже, и просыпались древние инстинкты, велевшие позабыть обо всем и бежать, потому что иначе нельзя... Инстинкты, привезенные еще первыми поселенцами с Земли. Бесполезные для офицера на Нергале.

Лорена заставила себя думать только о том, что сейкау не нападают, хотя могут. Объяснение оставалось лишь одно: хозяин велел им не трогать добычу, иначе они бы не удержались.

Но он и сам любил убивать, нельзя уйти от звериной природы. Что же до сейкау... труп все равно достанется им. Их хозяин, кажется, не ест человеческую плоть, хотя Лорена не была уверена даже в этом.

Долго ждать ей не пришлось: Глашатай Теней вырвался из тумана прямо перед ней и сразу же напал. Быстро, уверенно, беззвучно. Лорена подозревала, что говорить он вообще не умеет, она никогда не слышала его голос.

Он оказался меньше, чем она ожидала. В ее памяти, позже питавшей фантазии, он сохранился трехметровым монстром, грудой мышц, звериной мордой. В реальности же он был всего на голову выше Лорены, тело и правда плотное от мышц, но не бугрящееся этими мышцами, а быстрое и гибкое. Морда жуткая, серая кожа, крупные складки, полная пасть клыков и жесткая шерсть... Имитация сейкау, надежно скрывающая лицо.

Когда-то давно, еще до того, как Лорена стала офицером, людям удалось получить маску Глашатая. Оказалось, что делали эту дрянь из шкуры животных, которых она изображала. Эти дикари носили на лице трупы тех, кто им служил, и считали, что так и должно быть! Правда, в определенной смекалке отказать им было нельзя: внутри маски помещались высушенные целебные травы, которые в рыжей дымке работали так же, как респиратор. Но ведь для трав можно было подобрать и не такое уродливое хранилище!

Лорена знала, что это маска, однако сейчас помнить о таком оказалось тяжело. С ней дрался настоящий демон, тихий, сильный, быстрый... И этому демону она проигрывала.

Она старалась, как могла, отдавала битве все силы – но сил было недостаточно. На подготовке Лорена была лучшей в своем поколении, она идеально владела всеми боевыми приемами. Но и Глашатай Теней, это тупое, дикое чудовище, тоже был обучен драться! Он превосходил Лорену во всем, начиная с грубой силы. Он легко выдерживал те удары, которые ей все-таки удавалось нанести, он не кричал и не стонал, он будто и не был никогда живым... Лорену не покидало ощущение, что она бьет по камням, а не по плоти.

Ей же становилось все сложнее держаться. Она тоже пропускала удары – и теперь у нее болели ребра, шла кругом голова, а респиратор изнутри стал мокрым от крови, выплеснувшейся из носа и рта, он отвратительно пропускал воздух.

Она имела право выиграть, вот только предъявлять это право оказалось некому. Лорена ненавидела Глашатая Теней всей душой, а ему было плевать. Он убивал ее так, как убил бы любого другого противника... как убил Невио.

Все закончилось, когда он одним быстрым ударом сбил с соперницы респиратор. Рыжая смерть ворвалась в легкие Лорены, обжигая, лишая сил. Горло свело беспомощным спазмом, девушка захрипела, пытаясь сделать вдох – и не смогла. Глашатай не дал ей паузу даже теперь, он ударил Лорену ногой в грудь, опрокидывая беспомощную жертву на песок.

Вокруг нее уже ползали шипящие сейкау. Лорена кое-как перевернулась на спину, она хотела последний раз взглянуть на Глашатая Теней, заставить его почувствовать ненависть в ее взгляде, сказать ему правду... И не сумела. Темнота забрала ее раньше, чем она успела двинуться с места.

* * *

Альде тяжело давалось неведение. Это для многих то еще испытание, а уж для телепата – вдвойне. Потому что, когда ты можешь заглянуть в чужие мысли, приоткрыть завесу любой тайны, нужно немало усилий, чтобы этого не делать.

Однако она слишком хорошо понимала, что не готова платить за информацию любую цену. Например, предательство. Поэтому, когда легионер номер 3 предложил ей сделку, она уверенно отказалась.

Ей важно было знать о своей команде как можно больше, потому что она была телепаткой «Северной короны». Ну а знать все о Триане ей было важно уже по личным причинам. Так что Альда действительно не отказалась бы от возможности заглянуть в те воспоминания, которые он оберегал от других, выяснить, чего он боится, чего стыдится, о чем не может рассказать... Вот только, когда Стефан Северин готов был в буквальном смысле открыть перед ней дверь к таким знаниям, она его остановила.

Альда разорвала телепатическую связь между ними, она не позволила легионеру показать ей все, ушла из странного подземелья, в которое он ее приволок, и снова оказалась на космической станции.

– Серьезно? – хмыкнул тогда Стефан. – Готова любить вслепую? Значит, я тебя переоценил.

– Как же хорошо, что мы оба знаем, куда ты можешь засунуть свое мнение обо мне! – жизнерадостно сообщила Альда. Добавила она уже серьезней: – Если ты ищешь, где бы сплести новую паутину интриг, продолжай искать. Не здесь и не со мной.

– Как хочешь. Но предложение остается в силе.

Стефан ушел мирно, он и не успел бы ничего сделать: скоро вернулся Триан, от которого номер 3 благоразумно держался подальше. Да и «Северную корону» долго ждать не пришлось, оказавшись рядом с экипажем, Альда снова почувствовала себя дома. Жизнь постепенно возвращалась к привычному ритму – знакомое окружение, люди, которым она могла доверять, и никакого Легиона. Или почти никакого. Триан не считается.

Вот только все это не означало, что Альда действительно готова была смириться и забыть о намеках, брошенных Стефаном. Она просто собиралась искать правду своими силами, оставалось лишь придумать, как это сделать. Триан уже дал понять, что он откровенничать не будет, расспросами Альда рисковала потерять его доверие. Она была вынуждена работать с тем, что он дал ей добровольно.

На прошлых заданиях у нее был доступ к его затаенным воспоминаниям. Теперь Альда готовилась воспроизвести их в собственной памяти, разглядеть все детали, может, понять, что там случилось...

План был простой в теории и почти нереальный в исполнении. Как Альда ни билась, она пока получала лишь отдельные образы, окруженные темнотой. Дальше взгляд не дотягивался.

Ну а потом капитан вызвала их всех на собрание, которое могло означать лишь одно: команде дали новое задание. Значит, игры с чужой памятью нужно было отложить до более подходящего случая.

После объединения им не пришлось долго ждать задания, потому что одна из сильнейших команд проекта «Исход» и так засиделась без дела. Сначала причиной вынужденной паузы стало обновление, в котором нуждался их штатный киборг после тяжелого ранения. Ну а потом Альду и Триана забрал на свои игрища Легион, остальным пришлось несколько дней их дожидаться.

Альда очень надеялась, что эти дни дадут капитану и остальным шанс выяснить, кем были ее биологические родители. Стефан Северин оставил им подсказку, но всю правду он и сам не знал. А вот капитан намекнула, что найти этих солдат можно, да и Римильда, кажется, что-то подозревала... Однако при возвращении на «Северную корону» телепатку ожидало разочарование.

– Мне пока нечего сказать вам, Мазарин, – заявила капитан Лукия.

Это, кстати, не означало, что сама она ничего не знала. Однако Альда решила не давить. Она лишь отметила для себя, что бороться с неизвестностью придется на двух фронтах.

Но все это – после задания. Его капитан Лукия получила от руководства, а теперь готовилась объяснить остальным. И вроде как оснований для подвоха больше не было, команда «Северной короны» давно не нарывалась, они даже с Легионом примирились, насколько это

вообще возможно. Однако Альда мгновенно почувствовала, что капитан напряжена. Раньше телепатка упустила бы такое – когда только попала на корабль. Но каждая новая миссия меняла ее, а задание на Феронии и вовсе научило тому, что сама Альда считала невозможным.

Хотелось спросить прямо, что еще им подсунули, но телепатка решила подождать. Лукия могла решить, что Альда вот так нагло вошла в ее мысли, а это было бы совсем неприятно.

Капитан занимала за столом то же место, что обычно. По правую руку от нее устроился Рале, расслабленный, добродушный. Он будто готовился отправиться на прогулку, а не на очередное задание! Альда понятия не имела, чем он занимался во время простоя «Северной короны», но подозревала, что далеко от Лукии он не отходил.

Слева от капитана сидел непривычно всем довольный Стерлинг Витте. Он многозначительно оглядывался по сторонам, словно ожидая, когда же им начнут восхищаться, восклицать, что такого совершенного киборга на борту этого корыта прежде не было. Похоже, он полностью освоился с новыми технологиями, вживленными в его тело, и чувствовал себя куда более могущественным, чем предполагал его девяносто девятый номер в иерархии. Со стороны это смотрелось несколько забавно, потому что внешне Стерлинг совсем не изменился.

За ним насмешливо наблюдала Римильда. Ей снова предстояло быть хилером на «Северной короне», хотя она сама признавала, что редко задерживалась с какой-нибудь командой больше двух миссий подряд. Римильда объясняла это тем, что окружающие стали ей непередаваемо дороги и мысль о расставании терзала ее бедное маленькое сердечко. Альда же подозревала, что не последнюю роль в этом буйном приступе сентиментальности сыграла возможность наблюдать теперь не только за Трианом, но и за телепаткой. Два эксперимента на одном корабле – где еще Римильда могла получить такое?

С одной стороны от Альды, между ней и Римильдой, сидел Киган. Он вел себя на удивление дипломатично, почти рыцарски: ни о чем ее не расспрашивал и то, что легионер начал наведываться в ее комнату куда чаще, не комментировал. Телепатка и вовсе решила бы, что он со всем смирился и принял новую реальность, если бы не чувствовала его подавленные эмоции. Это, конечно, паршивая штука... Ну да ладно, время должно помочь. По крайней мере, на это надеялась Альда.

Ну а с другой стороны устроился Триан. Он остался верен себе: натянул капюшон плаща пониже, чтобы прикрыть глаза, скрестил руки на груди и со стороны казался дремлющим. Впрочем, чтобы распознать этот трюк, и телепатия была не нужна, поэтому капитан Лукия оставила его актерскую игру без внимания.

Как только все они собрались в зале, Лукия сразу вывела перед ними трехмерное изображение планеты – кажется, скалистой, даже с развитой зеленью, с морями, сложным рельефом... Наверняка Альда сказать не могла, все это мешала разглядеть рыжеватая дымка, в которую, как в вуаль, куталась зависшая в космосе сфера.

– Перед вами Кеплер-442б, – объявила Лукия. – Расположена в созвездии Лиры, была в свое время включена в проект «Исход».

– Я уже успел заскучать по старым-добрым исследовательским миссиям, – хмыкнул Киган.

– Помолчите, Рэйборн, а если вам нужно будет слово – попросите его, как предписывают правила.

Киган, никак не ожидавший такого, замер с открытым ртом до того, как успел бросить очередную шуточку. Да и понятно, почему! Обычно капитан относилась к нему куда лояльней. Она осаживала электрокинетика, только если он начинал задирать других членов экипажа, в большинстве случаев – Стерлинга. В остальное время Лукия просто не обращала на его болтовню внимания.

Теперь же она вела себя требовательно, как образцовый капитан. Кигана это просто шокировало, остальных – тоже, даже Рале хмурился. А вот для Альды произошедшее лишь стало новым намеком на то, что Лукию что-то тревожит... или пугает... Но это же бред!

В любом случае, это задание никак не могло быть обычным, даже если пока казалось таким.

– По жеребьевке этот Кеплер достался колониальному кораблю «Утренняя Заря», – невозмутимо продолжила Лукия. – Его постигла та же судьба, что и все остальные в рамках «Исхода». Уже в наше время о планете и корабле вспомнили, туда направили спутники для первичного сбора информации и вот что получили.

На экране, сменяя друг друга, начали появляться спутниковые изображения. Джунгли, затопленные густым рыжим туманом. Скалистые горы, исчерченные полосами зелени. Потом – ночь, но ночь не черная, а полыхающая десятками разноцветных неоновых огней.

Огни определенно были органического происхождения, никаких признаков цивилизации Альда не видела. Похоже, на Кеплере росло удивительное количество растений, способных к люминесценции. Или сияние обеспечивали какие-нибудь насекомые, скрытые в листве? В любом случае, прежде телепатке доводилось читать о планетах, где были один-два вида, обеспечивающие такое свечение. Но столько сразу... Зачем? Ночью эта планета сияла ярче, чем мегаполис на Земле, и это было потрясающе красиво. Вот только природа не ориентируется на одну лишь красоту, все, что она создает, призвано служить определенной цели. На этот счет у Альды пока не было вариантов.

– Благодаря первичному исследованию удалось установить, что на планете долгие дни и ночи, – указала Лукия. – Каждое время суток длится примерно семьдесят земных часов. К тому же, как вы можете видеть, условия на планете днем и ночью сильно отличаются друг от друга. Средняя температура днем – около тридцати градусов, высокая влажность, хороший уровень естественного освещения.

– И туман, – подсказал Рале. – Что не так с этим туманом?

На него, в отличие от Кигана, капитан рывкать не стала. Значит, в будущей миссии все было плохо, но не критично.

– С этим туманом не так все. Его природу установить не удалось. Мы только знаем, что он опасен.

– Насколько?

– Настолько, что дроны, посланные его исследовать, не вернулись, – ответила Лукия. – Но кое-какие данные передать успели. Согласно этим данным, туман токсичен, при длительном вдыхании он приводит к потере сознания и дальнейшему параличу, а также серьезным ожогам слизистых.

– У дронов, насколько я помню, слизистых нет, – снова рискнул подать голос Киган. – Что ж они тогда растворились?

– Потому что густота тумана не предполагает съемку издалека. Им пришлось опуститься низко, почти к земле, и там они были уничтожены. Чем и как – неизвестно.

– Ну я б не сказал, что их прямо туман загубил...

– Что я вам говорила про ваши приступы красноречия, Рэйборн?

– Понял, втянул!

Стерлинг демонстративно поднял руку, давая понять, как сильно он обошел в развитии кое-кого из команды. Киган раздраженно закатил глаза, Лукия кивнула киборгу.

– Слушаю, Витте.

– На ночных снимках я тумана не заметил...

– Верно, ночью туман по невыясненной причине полностью развеивается. Ночная температура колеблется в пределах от двадцати до двадцати пяти градусов. Местная фауна проявляет ночью гораздо большую активность.

– Похоже, этот туман токсичен вообще для всех, даже для местных, – заметила Римильда. – И природа адаптировалась так, чтобы жизнь проходила в основном в темное время суток. Да и оно на Кеплере не такое уж темное, как я погляжу... Большой вопрос, что там можно называть днем, а что – ночью.

– Получается, про ночную жизнь у нас больше сведений? – уточнила Альда.

– Нет. Ночные дроны тоже были уничтожены. Судя по всему, Кеплер обладает развитой и в значительной степени агрессивной жизнью.

Стерлинг понимал, что ситуация по-прежнему рискованная, что капитан не в духе, что нужно соблюдать протокол... Но даже он не удержался и все-таки начал ныть:

– Ну и на кой мы туда летим? Ядовитый туман, какие-то чудовища, которые сожрали дронов, захудалая планетка... Нам больше делать нечего? Что там может быть такого?

– «Утренняя Заря», – подсказал Рале.

– На снимках корабля не видно, – напомнил Киган.

Лукия провела рукой по панели управления, выводя на экран нужный кадр. Теперь они увидели «Утреннюю Зарю» – или то, что от нее осталось. Посадка прошла неудачно, до джунглей корабль не добрался, зацепился за горы, да так там и рухнул. При падении корпус разломился и теперь поблескивал среди каменных хребтов двумя поросшими зеленью металлическими громадами.

Это могло стать намеком на то, что человеческая жизнь на Кеплере не удержалась, но не стало. Лукия запустила аудиозапись, изуродованный помехами фрагмент переговоров.

– Колония... есть... Обретенные горы... Численность... тысяч человек... Мы будем рады...

– Связь прерывается, вас не слышно, – вещал бесстрастный голос оператора. Они все говорили настолько одинаково, что Альда даже сомневалась: не клонируют ли их в очередной лаборатории специального корпуса?

– Переговоры... Мы будем рады, если... безопасно...

– Сообщение не получено. Повторяю: сообщение не получено.

Шипение помех стало таким громким, что казалось, будто по залу летает невидимый пчелиный рой. К счастью, капитан сочла, что они услышали достаточно, и отключила запись.

– Разговор состоялся недавно, – пояснила Лукия. – Как видите, пассажиры «Утренней Зари» сумели основать колонию, их потомки дожили до наших дней. Наличие собственной радиоточки, способной принимать сигнал из космоса, свидетельствует о достаточно высоком уровне развития.

– Не назвал бы я его таким уж высоким, – усмехнулся Киган. – Судя по тому, что я услышал, корабль вполне могли захватить говорящие змеи и теперь с нами общаются именно они. Короче, очередная сомнительная колония.

– Очень сомнительная! – подхватил Стерлинг. – Мало информации, неизвестные аномалии атмосферы, очередные колонисты, репутацию которых нужно проверить десять раз... Помните, что было на Хионе? Мне кажется, тут такое же! Нет, я не отказываюсь от миссии, что вы, что вы! Но как насчет того, чтобы с нами отправили еще какую-нибудь команду? А желательно – две!

– Все высказались? – равнодушно осведомилась Лукия. – Или еще будут пожелания?

Команда снова притихла, растерянная, не понимающая, как реагировать на такое странное поведение капитана. И тут Триан решил продемонстрировать, что он все-таки не спит.

– Высказаться не хочу, хочу узнать, какую дрянь нам поручили на этот раз. С поправкой на то, что переговоры на записи со стороны космического флота ведет лейтенант Микаэль Данн, который погиб три месяца назад при пожаре на станции «Аврора».

Тишина в зале, и до этого напряженная, стала почти осязаемой, как будто стеклянной, тронь ее – и она изрежет всех осколками. Первой нарушить молчание решилась Альда. Не потому, что ей хотелось, а потому, что остальные не смогли бы.

– Ты что, реально узнаешь голоса всех операторов? Они же одинаковые!

– Не берусь сказать, это сейчас был расизм или снобизм, – невозмутимо отозвался Триан. – Я помню голоса тех, с кем хоть раз пересекался. Что же до Микаэля Данна... Сам по себе он не важен. Обычный оператор, сидящий за пультом большую часть жизни. Смерть его тоже была трагической случайностью, не имеющей никакого отношения к специальному корпусу. В этом прискорбном событии нам важно только одно: его срок. Если Данн погиб три месяца назад, переговоры состоялись раньше. Узнав о том, что колония существует и развита, флот должен был направить туда кого-то незамедлительно. Но вот они мы – узнаем о случившемся только через несколько месяцев. Почему так? В чем смысл выжидания?

Иногда Альде казалось, что она уже изучила Триана, узнала его, как никто другой, и легионер больше ничем не сумеет ее удивить. Но потом происходило вот такое – и собственную уверенность приходилось засовывать в ближайшее подходящее для этого место. Или не очень подходящее, как повезет.

– Выжидания не было, – покачала головой Лукия. Альда чувствовала, что напряжение в ее душе достигло предела, капитан готова была сообщить команде то, что тяготило ее с самого начала. – Наша миссия не исследование планеты или знакомство с колонией. Наша миссия – казнь.

Теперь тяжелое ощущение расплзлось, накрывая всех вокруг. О том, что на карательные миссии могут назначить любую команду, они знали – лицензию на убийство людей не зря давали всем. Но каждый втайне надеялся, что ему не доведется с этим возиться. Да и потом, обычно карательные миссии были связаны с охотой на пиратов, террористов или зачисткой откровенно преступных станций. Когда Альду перевели на проект «Исход», она поверила, что ей никого казнить не придется. А получилось вот как...

Теперь помалкивал даже Киган. Угнетенным не выглядел лишь легионер, но Альда и не ожидала, что он выдаст себя так легко. Может, ему и правда было все равно. Он убивал куда больше, чем остальные.

Капитан отмалчиваться не могла, она была вынуждена продолжить.

– По предварительной оценке самой большой угрозой признали токсичный туман. Но в горы он не добирается – слишком высоко, а именно там располагается колония. Миссии была присвоена средняя категория сложности. Оценка оказалась неверной.

Лукия снова переключила кадр, и они увидели «Стрелу». Не свою, конечно, но точно такую же. Абсолютное большинство команд пользовалось челноком модели ММА-10, не было здесь ничего мистического. И все же Альде в какой-то момент показалось, что это их «Стрела» стоит там – разгромленная, обожженная... осиротевшая.

Да, несомненно, осиротевшая. Лучшим доказательством этого служили четыре окровавленных трупа, лежащие рядом с кораблем. Двое мужчин, двое женщин. Избитые, изуродованные до неузнаваемости. Опознающиеся только благодаря остаткам формы специального корпуса. Выложенные ровным рядом в алых засыхающих озерах.

Снимок был нечеткий, сделанный с большой высоты, однако и его было достаточно, чтобы не по себе стало всем собравшимся. И только один человек сейчас отреагировал болью – настоящей, искренней, от утраты кого-то близкого. Альда не ожидала такого, а упустить не смогла, она постоянно оставалась связана со своей командой.

Рале узнал кого-то из погибших, тут и сомневаться не приходилось. Даже при сорванной коже, раздробленных мышцах и сломанных костях – все равно узнал. Он смотрел на изображение бледный, напряженный, но ничего не говорил. Да ему и не полагалось, объяснения были доверены Лукии.

– Как только миссия была оценена и одобрена, на Кеплер направили корабль специального корпуса «Гранд Орион». Как вы видите, на нем путешествовала только базовая команда – четыре человека. Для среднего уровня опасности этого вполне достаточно. Посадка прошла успешно, команда не сообщала ни о каких проблемах. Через две недели по земному времени от них неожиданно пришел сигнал бедствия, отправленный с челнока. Попытка связаться с командой ни к чему не привела. Посланные на планету дроны сразу же обнаружили то, что вы видите сейчас перед собой.

– Они и должны были обнаружить это сразу, – указал Триан. – Убийство ритуальное: все тела доведены примерно до одинакового состояния и выставлены на всеобщее обозрение. Рисунок крови указывает, что бой проходил не на этой поляне и даже не близко. Но их принесли к машине, на которой они прибыли. Намек очевиден: нам говорят, что на Кеплере рады не всем.

Первая версия случившегося выстраивалась быстро – и рушилась на удивление легко. Колонисты сами позвали гостей, зачем им так демонстративно убивать кого-то? Если они не хотели видеть на своей территории посторонних, могли бы предупредить об этом.

Да и потом, команду убили не сразу. Солдаты провели в колонии много дней – и все было хорошо. Что изменилось? Они нарушили местный закон, совершили преступление? Узнали то, что им знать не полагалось? Ведь если бы колонисты планировали нечто подобное с самого начала, они убили бы чужаков вскоре после прибытия. Нет, определенно был поворотный момент, событие, которое все изменило...

Впрочем, все эти вопросы меркли на фоне главной проблемы: убили команду солдат специального корпуса. Да, всего из четырех человек, и что с того? Слабых воинов на проекте «Исход» не было. Если этих четверых никем не усиливали, значит, их способностей было достаточно. А такая жуткая смерть...

– Зачем вообще в это соваться? – жалобно спросил Стерлинг. – Может, атаковать колонию сверху? Или вообще законсервировать планету? Да кому она нужна! Тоже мне, сокровище, сырые вонючие джунгли, до которых лететь и лететь...

– Дело не в планете, – покачала головой Римильда. – И не в тумане, и не в том, что такая далекая колония никому не нужна. Дело в принципе! Я так понимаю, утечки информации о том, что случилось, избежать удалось?

– Пока – да. Но фото и видео сделали несколько дронов. Как вы знаете, у специального корпуса тоже есть недоброжелатели.

Лукия не стала продолжать, но остальные и так понимали, что она имела в виду. Если о гибели команды станет известно широкой общественности, удар будет двойным – по репутации специального корпуса и по доверию внутри организации. Поэтому прецедент должен быть оформлен так, как выгодно руководству. Убийц команды обязаны найти и казнить любой ценой, создать доказательства расправы, сделать это уроком для тех, в чью голову уже приходят похожие идеи. И никакой жалости, никакого права на помилование.

– Опять же, зачем нам всем рисковать? – не сдавался Стерлинг. – Давайте сбросим на них бомбу и быстренько улетим!

– Зловеще хохоча при этом, – проворчал Киган.

– Мы говорим о недопустимых потерях, Витте, – указала Лукия. – Согласно данным, полученным от колонии, там проживают несколько тысяч человек.

– Да они наверняка соврали и об этом!

– А если нет? Вы готовы допустить массовую гибель как приемлемый сопутствующий ущерб? Если я поручу лично вам активировать взрывное устройство, вы справитесь?

– Почему я-то? – смутился киборг. – Вон, легионер есть...

– Моя работа – охранять младенцев, собранных на корабле, а не убивать младенцев, живущих на планете, – уточнил Триан.

– Массовое убийство не является допустимой темой для обсуждения, – отрезала Лукия. – Наша основная миссия – казнь виновных в убийстве солдат. Но только виновных. Никто не давал нам права убивать всех без разбора.

– Значит будем искать виновных, – вздохнул Киган. – И я очень надеюсь, что традиция убивать инопланетян на этом Кеплере не приживется!

* * *

Лукии не следовало приходить сюда. Капитан должен думать лишь о том, способен ли солдат выполнить миссию, а Рале определенно способен. Остальное ее не касалось. Повторяя себе это, Лукия обнаружила, что стоит перед дверью его каюты с занесенной для стука рукой.

Нужно было развернуться и уйти. Она постучала.

Рале пустил ее сразу, и он, кажется, даже не был удивлен. На собрании он держался неплохо – только Мазарин заметила его состояние, остальные, пораженные известием о жестокое убийстве целой команды, не обратили на телекинетика внимания.

Ну и конечно, заметила Лукия. Она и сама не бралась толком объяснить, как ей удалось. Пожалуй, она изучила его даже лучше, чем ожидала, и могла отличить его привычную игру в расслабленность от маски, которую удерживают дрожащими руками, лишь бы не сорваться.

– Кого из них ты знал? – сразу спросила она.

Лукии не нужно было задавать наводящие вопросы вроде «Что с тобой случилось?», догадаться оказалось несложно. Рале не отличается сентиментальностью юной девы, хватающей за сердце при виде смерти как таковой. А вот при виде смерти того, кто дорог был живым, все обстоит иначе. Такое капитан проигнорировать не могла.

Ну и конечно, когда они оставались наедине, Лукия давно уже общалась с телекинетиком свободней. Раньше собственное желание сократить дистанцию ее смущало, теперь же стало привычным, почти необходимым.

Это был дефект, который Лукии полагалось искоренить, а она держалась за него с неожиданным упрямством.

Рале не спешил отвечать, он отошел от двери, опустил на кровать. Никакой расслабленности, сгорбленные плечи, напряженные мышцы, отведенный взгляд...

Значит, предстоят похороны друга.

– Я был знаком со всеми, – тихо сказал телекинетик. – Но по-настоящему знал только одного... Маркуса.

– Маркус Лин, телекинетик, номер 64, – тут же вспомнила Лукия. Она уже читала личные дела погибших, но там, естественно, не было указано, кто с кем дружил. – Тоже телекинетик...

– Мы учились вместе. Познакомились на первом курсе академии, как-то сразу начали общаться...

Лукии был известен этот тип дружбы – тот, который остальные представители специального корпуса чуть ли не братством считали. Капитанам он был чужд, но они изучали подобное как часть психологического портрета команды.

Сейчас Лукии полагалось послать телекинетика к Альде на профилактический осмотр – чтобы ему выдали разрешение на миссию. Но вместо этого Лукия присела на кровать рядом с ним и мягко опустила руку ему на плечо. Инструкции подсказывали, что это сентиментальный жест с низкой психологической эффективностью. Однако Лукии почему-то казалось, что поступить так будет правильней, чем отправить Рале к телепатке.

– Вы общались после выпуска?

– Да, неплохо... У нас там в академии своя компания была, не все потом общение продолжили, но с Маркусом как-то получилось. Я был у него на свадьбе... У него двое детей. Осталось.

– Мне жаль.

Лукия с удивлением обнаружила, что ей и правда жаль. Эмпатия не просто проявила себя не в первый раз, она, похоже, прогрессировала. Такое не вырежешь из себя, как опухоль, требовалось лечение посерьезней, однако с этим Лукия планировала разобраться позже.

– Если ты думаешь, что я совсем расклеился, то зря, – криво усмехнулся телекинетик. – Лужа по имени Рале – так? А вот не так. Ты можешь не сомневаться во мне. Я сделаю все, что должен.

– Я в тебе и не сомневалась. Иначе ты просто остался бы здесь.

– Нет, оставлять меня здесь как раз не нужно. Миссия предстоит та еще – и не только из-за смерти команды. Из-за того, что ждет нас, в первую очередь. Еще раз, я знал всех, кто летал на «Гранд Орион». Да, номера у них были не самые высокие – но все из первой сотни. А Маркус... Он был сильнее меня. Значительно сильнее, опытнее, дрался он лучше, но главное, у него были причины жить. Он не из таких папаш, как Киган, – которые просто заделали детеныша в пьяном угаре. Он женился на женщине, которую любил, он обожал своих детей. Он бы сделал все, чтобы вернуться к ним живым.

– Не думаю, что остальные погибшие ощущали меньшую тягу к жизни.

– Я не совсем о том... Остальные могли реально заморачиваться по поводу миссии или побаиваться специального корпуса, но Маркус... У него был очень четкий приоритет: вернуться к своим детям живым. Если для этого нужно было драться, он бы дрался до конца. Если нужно сбежать – он сбежал бы, Лукия! И плевать на присягу, сбежал бы, чтобы выжить. Если он остался там и не смог защититься, значит, опасности он не чувствовал до последнего. Ну и нападал на него тот, кто обладал такой же яростью и желанием убить, которое оказалось сильнее, чем желание Маркуса выжить. Тут нечто большее, чем просто коварные колонисты, я это чувствую!

Подобное предположение тоже было из сферы сентиментального. Лукия даже собиралась сказать об этом, но вовремя прикусила язык.

До вылета «Стрелы» на Кеплер оставалось меньше часа. Большую часть этого времени Лукия провела там же – сидя на кровати, касаясь рукой плеча Рале. Как капитан, она и сама не понимала, почему занимается такой непродуктивной ерундой. Как человек, родившийся прежде капитана, она чувствовала, что все сделала правильно.

* * *

Ивана Стеури не покидало чувство, что кто-то прокрался к одному из центральных вентиляторов колонии, наложил перед лопастями грандиозную кучу, а потом поток ветра разнес продукт чужой жизнедеятельности по всей колонии. По крайней мере, атмосфера была именно такая.

А ведь как хорошо все складывалось совсем недавно! После десятилетий тишины – вдруг голос из космоса, полноценный контакт, доказательство того, что цивилизация сохранилась не только на Нергале. Провести настоящие переговоры тогда не получилось, слишком убогим было оборудование, которым располагали колонисты. Зато те, другие, более развитые и могущественные, согласились прислать переговорщиков, этого было достаточно.

И ведь прислали же! Иван до сих пор помнил тот день, когда дежурные сообщили ему о пламени, спускающемся с неба. Восторг, и надежда, и легкий страх – вдруг станет хуже, а не лучше? Вдруг чужаки окажутся врагами?

Он все равно готов был рискнуть и принять их. Они умудрились приземлиться на равнине, и это было не очень хорошо. Зато ночью и неподалеку от гор, так что Иван сумел вовремя выслать к ним отряд.

Их встречали праздником: цветы, музыка, все лучшее, что мог предложить Нергал. Колонисты чувствовали, что Иван верит в счастье, которое способны принести гости из космоса, и верили вместе с ним. Такого в Обретенных горах давно не бывало... Да, пожалуй, никогда. Сначала колония была слишком слабой для веселья, ну а потом у них не находилось причин для праздника.

Гости не обманули ожиданий Ивана. Судьба не всегда бывала к Управляющему милосердна, порой она откровенно издевалась над ним, но тут словно решила вознаградить за терпение. Представители сообщества колоний оказались идеальны: умные, спокойные, могущественные. Желаящие помочь и открытые к сотрудничеству.

Они очень быстро нашли общий язык с Иваном, обсудили, чем колония может быть полезна, в чем нуждается. Эта история могла закончиться хорошо, и должна была, если бы только они не захотели спуститься с гор...

Иван просил их не делать этого. Да какое просил – умолял! Он даже на колени готов был перед ними стать, но в последний момент Отмар отговорил его от этого. Плохо, если колонисты увидят своего Управляющего таким. Ему полагалось быть гордым, даже когда он наблюдал, как рушатся его мечты.

Он отпустил гостей, потому что попросту не нашел способа их удержать. Он надеялся, что правы они, а не он. Иван ведь ничего не скрывал от них, он честно предупредил, *что* ожидает их в джунглях. И гости даже поверили ему, беда в том, что они недооценили угрозу. Они были сильными, в них чувствовался опыт, которого Иван не понимал. Когда Управляющий в сотый раз повторял им об опасности, они многозначительно переглядывались и ничего не говорили. Они были смелыми людьми.

Они стали мертвыми людьми.

О том, что они все мертвы, Ивану донесли разведчики. Кажется, ему удалось притвориться спокойным – хотя уверен он не был. Внутри него полыхали мечты, планы и надежды. Его колония теряла все, что не успела даже обрести.

Иван должен был сообщить о гибели переговорщиков тем, другим, из космоса. Он понимал это, он просто никак не мог найти правильных слов, не знал, как выразить нечто столь сокрушительное через примитивное оборудование. Он все тянул, готовился... и опоздал.

Наверху узнали сами. Как – Иван толком не разобрался, но это не удивляло, он помнил, какие технологии были в распоряжении переговорщиков. Он пытался оправдаться, объяснить, что произошло на самом деле, как он предупреждал, что он ни в чем не виноват... Его то ли не хотели слушать, то ли расстояние сжирало половину его слов. Ему снова и снова твердили про убийство, а потом и вовсе перестали выходить на связь.

Ему нужно было смириться и двигаться дальше. Для колонии ведь ничего не изменилось, для Управляющего – тем более... А перемены все равно были. Оказалось, что жить с потерянной мечтой труднее и больнее, чем с мечтой, которая оставалась где-то на задворках сознания, но никогда не обретала четкую форму.

Иван понимал, что никто им больше не поможет. Теперь он опасался, что инопланетяне пожелают отомстить... Но предотвратить такое он все равно не мог, ему только и оставалось, что поддерживать порядок в колонии.

А колония словно не желала ему подыгрывать, неприятности сыпались одна за другой – то мелкие, то такие грандиозные, как весть о гибели Лорены Арн.

Лорена была среди лучших молодых офицеров, на которых Иван возлагал большие надежды. Он пару раз общался с ней, признавал, что девушка умна и сильна, такая далеко пойдет. А пошла она в итоге прямиком в могилу.

– Я пытался ей помочь, – тихо сказал Алессио Стубер, напарник Лорены, которому чудом удалось выжить. – Хотя это было неверно... Я говорил ей, что мы должны обязательно остаться

на занятой позиции и защитить сборщики. Но Лора рванулась в бой, освободила путь, а дальше... Вы знаете, что случилось.

Иван действительно знал. Вылазка за продовольствием обернулась катастрофой: после атаки Глашатая Теней погибли все сборщики, охранявшие их солдаты и один офицер, о разгромленных машинах и вспоминать не приходилось. Спасти и вернуться удалось лишь Алессيو. И все же что-то в этой истории не давало Ивану покоя...

Да, Лорена могла сама броситься на Глашатая Теней. После смерти ее мужа прошло почти два года, но траур носить она не перестала, все это знали. Сложно представить, какую ярость она почувствовала, увидев это существо перед собой. Однако Ивану казалось, что даже в гнев Лорена не забудет про свой долг. Зачем ей кидаться на Глашатая и разделять отряд, если она могла дождаться его на месте? Она должна была знать, что сборщики еще слишком близко, они не успеют спастись. Решаясь на самоубийственную битву, она могла хотя бы выиграть им время...

Но она этого не сделала. Со слов Алессيو. Который, растеряв весь отряд, вернулся в колонию невредимым. Иван понимал, что это не его дело, в таком должен разбираться Генерал, Управляющему полагалось лишь выслушать отчет. И все же... Он не готов был отпустить Алессيو. Он хотел говорить дальше, задавать неудобные вопросы, которые должны прозвучать, и докапываться до истины.

Он просто не успел. Допрос прервал один из его помощников, ворвавшийся в кабинет – трясущийся, бледный, шокированный настолько, что напоминать ему о правилах приличия не было смысла. Такое не происходит из-за мелочей... Ивану не хотелось знать, что еще стряслось в колонии, хотелось как раз спрятаться от этого, а он не мог.

– Что уже случилось?

– Господин Управляющий, радио заработало, – еле слышно прошептал помощник. От этих слов внутри стало холодно, как от снега с вершины Небесного Предела. – Они зовут вас! Эти, из космоса, снова хотят говорить...

Глава 2

Лорена не ожидала, что выживет, не должна была – и все равно открыла глаза. Радости это не принесло: она сразу же обнаружила, что заперта в клетке. Попасть в плен – судьба куда хуже, чем погибнуть на поле боя. Это тоже смерть, просто небыстрая и полная унижения. Хотя стоит ли удивляться тому, что Глашатай Теней выбрал для нее именно такую участь? Чудовища не знают милосердия.

Голова по-прежнему кружилась, избитое тело болело, и Лорена не бралась даже представить, сколько синяков скрыто под порванной военной формой. Хотелось притвориться, что она по-прежнему без сознания, закрыть глаза и ждать финала собственной истории, но – нельзя. Она уже слышала, что рядом с ней находятся другие люди, которым, возможно, нужна ее помощь.

Медленно приподнявшись на локтях, Лорена обнаружила, что ее и остальных бросили в квадратную клетку-телегу, сколоченную из крупных деревянных кольев. Дерево дарило иллюзию, будто выбраться на свободу очень легко, один-два удара – и все. Лорена не позволила себе обмануться. В Обретенных горах все знали, что дикари умеют выискивать в джунглях дерево, которое крепче стали.

Лорена оказалась в плену не одна, вместе с ней своей участи ожидали еще пять человек: два солдата и три сборщика. Из того самого отряда, который ей доверено было защищать! Все произошло именно так, как она предсказывала: покончив с ней, Глашатай Теней бросился в погоню... Проклятый Алессио! Хотелось верить, что и он не спасся, да не получалось. Этот всегда вывернется, скользкий, как древесный слизень.

Когда остальные обнаружили, что Лорена очнулась, они повернулись к ней, но со словами не спешили. Они смотрели на нее по-разному – кто с сочувствием, кто с возмущением, а кто и с презрением. Она понимала каждый взгляд. Она провалила свою миссию, подвела этих людей. Она выглядела жалкой – с покрытым ссадинами и засохшей кровью лицом. Ну а главное, она прожила достаточно долго, чтобы попасть в плен, немыслимый позор для офицера. Ею, возможно, будут шантажировать Обретенные горы. Лорене нужно было найти способ покончить с собой до того, как это произойдет.

Но это было ее проблемой, склонять голову перед простыми солдатами и уж тем более сборщиками она не собиралась.

– Как они сохранили нам жизнь? – холодно спросила она. – Был день и был туман...

– У них есть способы, – отозвался один из солдат. – Я видел... Сначала Глашатай всех разнес, а кто был поцелее, тех его твари не сожрали. Пришли дикари, намотали выжившим на лицо какие-то тряпки. От моей пахло травами, думаю, это как примитивный респиратор. Чего еще от них ожидать?

– Мы у них в плену, не наоборот, – мрачно напомнил сборщик. – Много что ожидать!

– Дальше что было? – поторопила Лорена, не желая отвлекаться на выяснение отношений.

– Привезли эту телегу, на нее собирали всех, кто тряпкой был помечен. Вы там первая были, госпожа офицер.

Он не убил ее. Глашатай Теней мог убить – Лорена проиграла ему. А он поступил наоборот. Именно он, никакие дикари не успели бы, Лорена вдохнула слишком много рыжей смерти. Похоже, Глашатай закрыл ее лицо сразу же после того, как она отключилась, ну а дальше ее подобрали его союзники.

В этом не было милосердия, скорее, наоборот. Он отказал ей в последнем уважении, хотя она дралась с ним... Для него это было не важно. Откуда у животного представление о чести?

Лорена предполагала, что долго тряпки, смоченные травяным настоем, не продержались бы, но на Нергал опустились сумерки. Туман растворился, позволяя несчастным дышать спокойно, и все они вступили в живительную ночь.

Теперь клетка не двигалась, к моменту, когда очнулась Лорена, пленников довели до пункта назначения. Их оставили у широкой площади с вытоптанной землей, на которой не росло уже ни травинки, а на Нергале такое – редкость. Получается, это были не какие-то обходные тропы или временная стоянка, их доставили в самое сердце убежища дикарей.

Лорена прежде слышала об этом месте, но никогда не видела, оно было слишком далеко от Обретенных гор. Значит, и она теперь далеко... Безвозвратно далеко. Ближе к своей смерти, чем к покинутому дому. Такие мысли распускали в сердце черные щупальца отчаяния, Лорена заставила себя сосредоточиться на настоящем моменте и не думать о будущем. Ничего еще не закончилось, возможно, у нее будет шанс умереть достойно! О большем она уже не мечтала.

На площади было светло, светлее, чем днем: все вокруг укутывало теплое желтое сияние с редкими всполохами зеленого. Не от фонарей, естественно, откуда у дикарей фонари? Свет шел от эвкалипсов, поднимавшихся к небу вдоль границы площади. Листья этих деревьев и сияли нужными цветами, как маленькие звезды. Эвкалипсы были такими высокими и пышными, что свет их заливал все вокруг. Лорена раньше видела подобные деревья, неподалеку от Обретенных гор они тоже росли, но были куда меньше.

Здесь же джунгли породили настоящих гигантов, а дикари воспользовались этим. Лорена уже видела, что в большинстве могучих стволов построены жилища: часть древесины вырезали, освободив пространство, закрыв окна и двери блоками из спрессованных листьев и коры. Эвкалипсам это не вредило, они продолжали расти дальше вокруг пустот и повреждений. Дикари все рассчитали с неожиданным умом, они выбрали растение, с которым могли жить в гармонии.

Они и в остальном устроили свое убежище неплохо. То тут, то там в воздухе попадались круглые деревянные домики, свитые из лиан. Лорена предполагала, что для их создания молодые еще лианы заставляли плестись по заранее подготовленным каркасам, а потом, когда они достигали нужного размера, подрезали у корней, и древесина высыхала, не теряя прочность. Правда, мертвые лианы светиться уже не могли, но эту проблему решили, рассадив внутри домиков ночные цветы, сиявшие белым и фиолетовым.

За границей центральной площади тоже было светло – это же Нергал! Но все же то сияние меркло по сравнению с желтым светом эвкалипсов, и там было куда больше теней. Они постоянно двигались, летали, ползали, шипели... Лорена не бралась и угадать, сколько чудовищ скрыто в джунглях.

Однако чудовища эти ни на кого не нападали. Самым удивительным было то, что дикари – простые дикари, не Глашатаи, не воины! – ходили по своему городу спокойно. Они, конечно же, видели грандиозные чешуйчатые тела, клыкастые пасти, распахнутые крылья сейкау. Они просто не боялись, они почему-то были уверены, что кровожадные твари их не тронут.

К клетке с пленниками дикари не подходили, разве что косились в эту сторону, но тут же отводили взгляд, если замечали, что Лорена смотрит на них. Телегу сюда привезли не для них, для кого-то еще... Ничего хорошего это не сулило.

Лорена уже собиралась расспросить своих товарищей по несчастью, что им еще известно, да не пришлось. Над площадью ночной птицей взлетела музыка – на удивление сложная, чарующая, совершенно не подходящая дикарям. Музыка стала знаком чего-то, площадь поспешили освободить. Туда вынесли несколько ковров, сплетенных из высушенных цветов, поставили одно высокое деревянное кресло, застелили его звериными шкурами.

– Колдунья... – зашептались пленники за спиной у Лорены. – Их колдунья...

О том, что дикарями руководит женщина, которую они считают колдуньей, в Обретенных горах знали уже давно. Традиция была не новой: пойманные дикари все время на каких-

то колдунов ссылались. Они искренне верили, что их жалким поселением управляет посланница богини Брерис – которую они же благополучно и придумали. В Обретенных горах Лорена посмеивалась над ними. Здесь смеяться уже не хотелось.

Ни в какое колдовство она не верила, и все же... Она слишком хорошо помнила свою битву с Глашатаем Теней. Он умел куда больше, чем доступно простому человеку. Сложно было предугадать, на что способна здешняя колдунья.

Но первой на площадь вышла не она, еще до нее явились Глашатаи. Не все, только пятеро, однако и это было много, Лорена никогда еще не видела их вместе. У нее впервые появилась возможность рассмотреть их, потому что если они появлялись на поле боя, колонистам становилось не до наблюдения.

Среди них были мужчины и женщины. Все они носили форму из плотной темной кожи, но у каждого она была своей – отличающейся или ремнями, или нашивками, или металлическими листами, прикрепленными к одежде. На украшение это было не похоже, но для чего такое нужно, Лорена пока не знала. Ну и конечно, разными у них были маски. Жуткие, уродливые, они явно изображали тех зверей, которыми управляли Глашатаи.

Лорену больше всего интересовал тот, который стал ее главным врагом. Отнявший у нее все, победивший и, похоже, избежавший мести. Здесь, в теплом свете эвкалипсов, Глашатай Теней уже не казался таким гигантом. А может, все дело в том, что Лорена знала теперь его истинный рост, и ее сознание делало поправку на это. Форма у него была обычная для Глашатаев – тяжелые ботинки, брюки, куртка. Особенностью оказались разве что плотные ремни, опутывавшие его грудь и спину. Истолковать их назначение оказалось несложно: за такие ремни очень легко было держаться сейкау, одна из тварей и сейчас устроилась на плече у своего господина.

Было у Глашатая Теней и оружие: два лезвия, перевязью закрепленные на бедрах. Они напоминали Лорене лезвия обоюдоострых мечей из учебников истории, сохранившихся со времен «Утренней Зари». Но у мечей традиционно были рукояти, а у лезвий, которые использовал Глашатай, – только тонкие металлические ручки, закрепленные к самому лезвию под углом в девяносто градусов. Лорена не представляла, как можно драться такой бесполезной игрушкой, но Глашатай наверняка умел.

И все же в битве с Лореной он оружие не использовал, обошелся своими силами. Вот, значит, насколько слабой она показалась ему... Она, сотни раз убивавшая его в своих мечтах!

Музыка изменилась, отвлекая Лорену от тяжелых мыслей. Мелодия стала медленней, величественней, словно предупреждая дикарей: смотрите, вот идет ваша королева! И на площадь действительно ступила та самая колдунья.

Ее несложно было узнать, даже увидев впервые. От остальных женщин поселения ее отличало многое: удивительная красота, осанка той, кто привык смотреть на окружающих свысока, роскошное платье, мерцающие украшения. Да и молодость... Она была уже не девочкой, но и до превращения в старуху ей оставалось много лет. Лорена не удивилась бы, узнав, что они ровесницы.

Лицо женщины было тонким, с высокими скулами, аккуратным маленьким носом, полными губами и огромными глазами, такими голубыми, будто изнутри их наполняло сияние хемпоры. Грациозную фигуру колдунии серебристой дымкой обволакивало платье, расшитое огненными цветами. Такая безупречная работа казалась невозможной для грубых рук дикарей, в колонии не было ничего подобного... Но не верить своим глазами Лорена не могла.

Украшения колдунии тоже были необычными. Венец с подвесками на голове, ожерелье, браслеты на руках – все это было сделано из одного материала, каких-то мелких неровных камешков. Уже потом камешки покрыли сияющими красками, сделанными из листьев и лепестков. Теперь казалось, что колдунья и сама светится, как одно из порождений Нергала.

Она пересекла площадь, наслаждаясь восхищенными взглядами своих поданных, и мягко опустилась в кресло. У ее плеча остановился юноша – недавний подросток, только-только превратившийся в мужчину, да и то не до конца. Он был одет куда богаче остальной свиты и чертами лица оказался очень похож на колдунью. Брат, должно быть. Не могло у столь молодой женщины быть такого взрослого сына.

Свита, сопровождавшая королеву, расселась по ковру вокруг кресла. Здесь были в основном женщины и старики, никаких воинов. За охрану отвечали Глашатаи, расположившиеся на другом ковре, напротив кресла колдуньи.

– Сегодня мы празднуем, – объявила колдунья. Голос у нее был мелодичный, он летел над площадью новой музыкой. – Горные воры опять попытались напасть на нас, украсть то, что по праву наше, а им никогда не принадлежало. Но милостью Брерис, ниспославшей нам отважных воинов и непобедимых Глашатаев, мы отразили их атаку. Многие нечистые уже мертвы. Остальные прожили чуть дольше лишь для того, чтобы увеличить свой позор. Но мы не такие, как они, не дикие твари, уподобившиеся животным. Во имя Брерис я дам им шанс искупить свою вину работой на благо нашего города. Перед этим, конечно же, они должны покаяться, прижаться своими жалкими языками к ногам посвященной, признать, что они ничтожны пред ликом посланницы Брерис.

Это звучало как полный бред, но колдунья не шутила, она действительно вытянула вперед ноги. Подол серебристого платья чуть сдвинулся, позволяя увидеть, что обуви властительница дикарей не признавала. Ноги, пусть и изящные, были покрыты слоем грязи, ставшей привычной для поселения посреди джунглей.

Но дело было даже не в этом. Пусть бы ее ноги оказались чистыми, как у малого ребенка, еще не покидавшего люльку, какая разница? Чтобы кто-то из жителей Обретенных гор лизал грязные лапы дикаря... Немыслимо. Да и зачем? Смерть все равно придет, просто с позором и чуть позже.

Так считала не только Лорена. Когда служители колдуньи вытащили из клетки солдата, того самого, с которым говорила Лорена, он не склонил колени перед дикаркой, да и к ее грязным ногам прикасаться не собирался. Он смотрел на колдунью с той ненавистью, которую она заслуживала. Он бы уже бросился вперед и попытался придушить мерзкую тварь, если бы не служители.

– Ну что же ты? – насмешливо улыбнулась колдунья. – Не хочешь жить? Или не понимаешь, чего от тебя хотят? Так это легко исправить!

Один из стариков, входивших в свиту колдуньи, перевел ее слова на язык Обретенных гор. Солдат, выслушавший это, и бровью не повел.

– Я знаю ваше звериное бормотание, – ответил он на языке дикарей. – И оно меня смешит. Лапы свои можешь вылизывать сама, ни один полноценный человек не будет тебе служить!

Вряд ли ему действительно было смешно... Не было, конечно. Он прекрасно видел хищных тварей, скользивших за пределами площади. Он просто хотел умереть с честью. Лорена гордилась тем, что колония вырастила таких сыновей, и сожалела, что не сумела защитить отряд. Алессио должен был стоять здесь, не этот солдат!

Колдунья все так же улыбалась, но взгляд ее стал холодным, злым, как у голодного дже-сиа. Она снова заговорила, но смотрела она в этот момент не на пленного солдата, а на Глашатаев.

– Что я вам говорила? Эти безмозглые создания не в состоянии сохранить свою жизнь, когда это так просто. Величайший дар они швыряют в грязь! Но не всех великая Брерис одарила благоразумием. Кто из вас готов преподать нашему гостю последний урок? Быть может, Глашатай Погребения согласен поделиться своей мудростью?

Отвечать ей никто не стал, но это оказалось и не нужно. На площадь из джунглей скользнул унгах – огромная дикая тварь, которая, приподнявшись на хвосте, легко возвышалась над несчастным солдатом. Служители поспешили отступить, однако и теперь они не были напуганы. Перед ними предстал один из страшнейших монстров Нергала – а они не боялись! Их вера в своих покровителей была слепой и абсолютной.

Унгах их действительно не тронул, они были ему не нужны – не за ними послал его хозяин. Прежде, чем солдат успел сообразить, что происходит, на нем сомкнулись две когтистые лапы. Унгах не просто убил его, убивали эти твари совсем не так. Здесь чудовище хотело развлечь колдунью, и оно несколькими твердыми, быстрыми движениями искалечило жертву, оторвав обреченному сначала руки, а потом ноги.

Такого крика Лорена не слышала еще никогда. Человеческий голос попросту исчез, остался лишь вой страдающего животного. Тот, кто еще недавно был гордым воином, извивался в багряном озере собственной крови. Он готов был принять смерть – но не такую смерть! В Обретенных горах даже пленным позволяли сохранить достоинство. Никто и никогда не превращал их в туловище, беспомощно дергающееся на земле, как жалкое насекомое.

Солдат прожил недолго, несколько минут, пока из ран еще била тугими струями горячая кровь. Но и эти минуты показались Лорене вечностью. Она, напряженная, прикинула к деревянным кольям, зная, что ничего не сможет изменить, и все равно надеясь на чудо. Хотя какое тут могло быть чудо? Откуда? Хотелось отвернуться, как отвернулись другие пленники, уже рыдающие от ужаса. Но Лорена заставила себя смотреть, потому что она тоже чувствовала себя виноватой в гибели этого человека.

Наблюдала за агонией и колдунья. Однако ее ужас мужчины, превратившегося в животное, лишь забавлял, она продолжала улыбаться. Она даже вытянула ноги вперед, чтобы часть крови умирающего попала на ее кожу.

Лишь когда солдат затих, навеки изогнутый последним спазмом, унгах подхватил кровавые останки и утащил с площади. Солдат был лишен даже погребения, его пристанищем должны были стать желудки гигантских рептилий.

– После такого я могла бы проклясть весь род горных воров, – заметила колдунья. – Но я милосердна, как сама Брерис. У вас остается все тот же шанс покаяться и получить право на искупление.

Они соглашались. Они, еще недавно державшиеся хоть за какую-то гордость, увидели слишком много. Пленники, стараясь не смотреть друг на друга, выполняли ее условие – которое теперь стало куда хуже. Каждого из них выводили из клетки и заставляли босиком пройти по кровавому болоту, которое образовалось на месте смерти солдата. После этого они, окончательно сломленные, покорно опускались на четвереньки перед дикаркой, прижимались губами к ее грязным ногам, плакали, молили... Даже второй солдат пошел на такое. Стоило ли ожидать большего от обычных сборщиков?

Лорена с удивлением и нарастающим омерзением обнаружила, что и ей хочется подчиниться. Сквозь все ее ценности, убеждения и принципы пробивался тонкий жалобный голос зверя, который не хотел умирать в грязи, захлебываясь собственным криком. Разум, в котором все еще звучал вой солдата, искал оправдания. Это будет не поражение, нет, она просто подыгрывает дикарям, выиграет время, а уж потом, потом... Она обязательно... Они еще пожалеют...

Но Лорена вынуждена была признать, что это ловушка трусости. Ничего она уже не сможет, время тут ни при чем. Она получила возможность испытать свои силы – и проиграла так быстро, так позорно... Она не станет сильнее в плену, только потеряет себя. А если так, нужно вынести все до конца, чтобы Невио смог ею гордиться. Да и потом, в какой-то момент обратного пути не будет, даже если она пожалеет о своем решении.

Ее вытащили из клетки последней, уже после того, как рыдающих пленников увели с площади. Лорене тоже пришлось пройти по крови, успевшей остыть, потом – остановиться перед

колдуньей. Желание преклонить колени мелькнуло – и пропало. Лорена не могла подавить нервную дрожь, волнами проходившую по телу, а вот остаться на ногах могла. В последнем усилии воли она смотрела на колдунью так, как и надлежало смотреть на безумное чудовище.

Колдунья, явно позабавившаяся с другими пленниками, снова нахмурилась.

– Надо же... Ты тоже будешь гордым куском мяса?

Хотелось ответить ей, сказать все, что она думает об этом дикарском племени. Но Лорена молчала, она слишком хорошо понимала: ее голос предательски задрожит, наполнится слезами, и любые правильные слова потеряют свой истинный смысл. Поэтому пленница только и сделала, что плюнула на ноги своей мучительнице.

От плевка колдунья дернулась, как от удара, да и толпа испуганно зароптала. Но судьбу Лорены это наверняка лишь ухудшило. Взгляд колдуны, обращенный на нее, полыхал теперь живым пламенем гнева.

– Надо же, какие мы смелые... Как думаешь, сколько ты проживешь, наблюдая, как из тебя вытягивают внутренности? Или, может, ты с большим удовольствием согласишься на собственные кости? Из них я закажу себе новую корону.

До Лорены только теперь дошло, из чего были сделаны украшения колдуны. Из костей – наверняка человеческих, разломленных на части и покрытых сияющей краской. Костей тех, кто не преклонил колени.

Но даже это открытие не заставило Лорену передумать. Она лишь сильнее сжала кулаки, ожидая, когда все закончится.

В миг, когда колдунья наверняка собиралась отдать приказ кому-то из Глашатаев, вдруг заговорил юноша, стоявший за деревянным креслом.

– Мама, мне кажется, не стоит спешить.

Мама?... Все-таки мать – колдунья сама должна была родить ребенком, чтобы сейчас рядом с ней стоял такой сын. Впрочем, для Лорены это не имело никакого значения.

– Только не говори, что тебе жаль, – поморщилась колдунья. – Потому что девица, что ли?

– Нет. Потому что офицер. И мне не жаль, я просто хотел напомнить, что мы редко ловим офицеров, а именно их горные воры охотней всего обменивают.

Это было правдой, пусть и известной немногим. Представители Обретенных гор очень редко соглашались на переговоры с дикарями и уж тем более на обмен. Но из-за офицеров такое иногда случалось, они были слишком ценны. А уж офицер уровня Лорены, умеющий обращаться со всеми типами доспехов, наверняка привлечет внимание...

Однако это был как раз тот позор, которого она надеялась избежать. У колонии сейчас сложный период, ей нельзя ничего терять, нельзя поддаваться на шантаж дикарей! Бывают сытые времена, когда на кону стоит не так уж много. Но теперь наступили не они, и Лорена рисковала всех подставить, это было куда хуже, чем самая мучительная смерть.

Колдунья перевела на нее взгляд, прищурилась – совсем по-звериному.

– Надо же, а ведь ты прав! – рассмеялась она. – Наша гордая плеватьница даже хочет умереть, лишь бы ею не торговали, как вещью! Чем я только думала? За такую наглость смерть – слишком малая цена. Есть ведь наказания похуже!

Лорена хотела спросить, что дикарка имеет в виду, а еще лучше – оскорбить эту их избранную, чтобы все-таки спровоцировать казнь. Но пленница не успела ни того, ни другого.

Площадь перед ее глазами вдруг вспыхнула и исчезла. Лорена оказалась в совершенно другом месте и другом времени, она попала в день, когда умер Невио.

Она знала, что это невозможно. Прошлое не возвращается к людям – и никто не возвращается в прошлое. Однако спорить ей было не с кем, она снова стояла там, среди равнин, где шла битва... И где Глашатай Теней убивал ее мужа.

Она хотела помочь, и тогда, и сейчас. Она просто не успела. Лорене только и осталось, что беспомощно наблюдать, как ублодочный монстр разрывает Невио пополам. Тогда ей почему-

то показалось, что Глашатай сделал это голыми руками. Теперь она знала больше и смогла разглядеть, что он просто вогнал два лезвия в центр живота противника, а потом рванул в разные стороны – и тело поддалось, разделилось, развалилось на части в фейерверках алых брызг.

В первый раз это произошло быстро. Теперь же ход времени как будто замедлился, и Лорена получила возможность разглядеть мучения самого дорогого человека во всех подробностях. Ужас скорой гибели на его лице – Невио успел почувствовать боль, осознал, что его ждет. Кровь и куски плоти, застывшие в воздухе. Абсолютное безразличие палача.

Невио был прекрасным, умным, добрым... он был любимым! И эту жизнь отняло двуногое животное, которое только и умело, что драться и убивать. А Лорена снова и снова допускала это, будто добровольно допускала.

– Хватит! – крикнула она в пустоту. – Не надо больше, пожалуйста!

Она плакала, сжимаясь на земле под незримым весом ужаса и горя, опускавшихся ей на плечи. Лорена еще могла сохранить хоть какое-то самообладание, когда опасность грозила ей. Но эта беспомощность, эта несправедливость... Они отнимали у нее последние силы.

Прошлое отпустило ее так же резко, как утянуло к себе. Вместо реальности рыжего тумана Лорена обнаружила себя под теплым светом эвкалипсов, лежащую на земле, беспомощно рыдающую.

Колдунья снова выглядела довольной, и насмехаться над этой дикаркой больше не получалось. Это ведь она сделала! Она пробралась в голову Лорене, вырвала оттуда самое страшное воспоминание, усилила его, заставила пленницу снова пережить ту чудовищную боль... Разве это не магия? А если есть магия, может, и Брерис существует?

У Лорены не осталось энергии даже раздумывать об этом. Она чувствовала себя выпотрошенной и бесконечно старой. Смерть стала бы избавлением...

Но смерти не было.

– Вот и вся гордость горных воров, – презрительно бросила колдунья. – От тебя будет толк, ты искупишь свою вину не своим трудом, а самой своей шкурой. Мы продадим тебя, когда это будет выгодно. Но не сразу, нет... Думаю, тебе не помешает урок смирения. Глашатай Теней!

Краем глаза Лорена заметила движение на ковре Глашатаев. Должно быть, этот выродок сделал шаг вперед, ответив на зов своей правительницы. Смотреть на него Лорена сейчас не могла, просто не могла и все.

– Эта женщина ненавидит тебя, – доверительно сообщила колдунья. – Смотреть на тебя для нее настоящая пытка. Ты отнял у нее все, что было ей дорого, и саму радость жизни. Поэтому именно в твоём доме она будет жить, пока мы не договоримся о продаже. Я хочу, чтобы она видела тебя каждый день – и каждый день осознавала, что она никогда не сможет тебе отомстить. Но смотри, чтобы она не была никем убита и не смогла убить себя, вот моя воля! Даже если под конец она будет молить тебя о смерти.

* * *

Ни на одну из миссий «Северной короны» Альда не отправлялась расслабленной, и все же нынешнее задание должно было стать особенным. Во время полета телепатку не покидало напряжение, исчерченное вспышками страха. Сначала Альда даже не могла понять, откуда этот страх берется. Она ведь уже не новичок, так много пережила, чего после такого можно бояться? А потом до нее дошло.

Она боялась не умереть – убивать. Это задание должно завершиться казнью, прямое нарушение приказа может привести к роспуску команды. Альде уже доводилось сражаться, однако отнимать жизни во время битвы – это другое, там шансы если не равны, то близки, и обе сто-

роны знают, на что идут. Но отнять жизнь осознанным действием, возможно, у беспомощного, без суда... Правильно ли это? Скорее всего, сделать такое предстояло не ей лично, а Триану или Лукии. Но и их не хотелось представлять в роли безжалостных палачей. Бывают знания о людях, которые меняют слишком много, и уже невозможно даже к близким относиться так, как прежде.

В конце концов Альда решила, что подобными мыслями она ничего не исправит, только изведется понапрасну. Принятие сложного решения она отложила до момента, когда оно станет необходимым. Пока же телепатка позволила себе расслабиться, настраиваясь на планету.

Каждый мир уникален, и Кеплер не был похож на те планеты, на которых уже побывала «Северная корона». Он был огромным, больше Земли, богатым, вроде как гостеприимным... Если бы не эти дурацкие «но», которые вылезают в любой идеальной ситуации. Здесь недостатками стали ядовитый туман, опасно развитая фауна и те, кому понравилось убивать солдат специального корпуса.

Колонисты настаивали, что это не они. Связь с ними по-прежнему была отвратительной. Киган попробовал ее настроить, а потом махнул рукой, заявив, что они, вероятно, пытаются общаться с космосом через ведро, перевязанное шнурками. Нужно было лететь вниз и говорить нормально.

Однако даже оборванных, укутанных в густые помехи посланий хватило, чтобы понять: жители Кеплера отчаянно убеждали своих будущих гостей, что за убийствами стоят не они. О том, что случилось с предыдущей командой, они знали. В гостях у себя принимали. Но не убивали – и даже пытались предотвратить их смерть. Они, кажется, знали, кто совершил преступление, хотя радоваться такому открытию Альда не спешила. Истинный убийца тоже вполне может оговорить кого угодно.

Капитан успокоила колонистов, заверив их, что сейчас на планету спустятся новые переговорщики и все выслушают. Про грядущую казнь она дипломатично не упомянула.

Они дождались ночи, добавлять ко всем возможным неприятностям ядовитый туман никому не хотелось. Перед посадкой на «Стрелу» Альда успела заметить, что планета преобразилась. Теперь Кеплер сиял, переливался разноцветными огнями, которые, казалось, пробегали по нему неоновыми волнами. Ну а потом ее принял челнок, лишенный иллюминаторов, и ей так и не довелось увидеть, как «Стрела» несется к морю живых огней.

Предыдущая команда предпочла приземлиться на равнине неподалеку от гор, это было проще всего. Но колонисты сквозь помехи вопили, что место опасное. То, что там недавно обнаружили четыре трупа, вполне убедительно подтверждало их слова. Поэтому Киган сразу настроился посадить «Стрелу» на каменную площадку одной из гор.

– А мы там обвал не вызовем? – поинтересовался Рале.

– Самому любопытно, – задумчиво отозвался электрокинетик.

– Рэйборн, поупражняйтесь в остроумии позже, – вмешалась капитан. – Вы действительно допускаете обвал?

– Слушайте, я тоже на этой планете впервые! Но, вроде, ничего обвалить мы не должны... Какие вообще варианты? Или туда, или в джунгли, но в джунгли нельзя, потому что там не только красиво, но и немножко убивают. Я не могу в воздухе зависнуть!

Других вариантов действительно не было, им только и оставалось, что довериться электрокинетике. А он, при всех своих шуточках, к делу отнесся вполне серьезно. Он понимал: внутри этих гор живут люди, и обвал способен унести очень много жизней. Поэтому Киган рискнул, в последний момент резко сбросил скорость челнока, хотя при таком подходе «Стреле» вполне могло не хватить мощности для того, чтобы закрепиться в камнях.

Но повезло – на этот раз. Челнок вошел в горную породу на две трети посадочного двигателя, по инструкции этого было вполне достаточно. Гора изошла трещинами, принимая незваных гостей, и все-таки устояла. Теперь оставалось узнать, задержится ли на их стороне удача.

В верхней части гор было темно, свет джунглей сюда не долетал, полагаться приходилось только на звезды. Но для солдат специального корпуса это было не так важно, каждый из них мог привыкнуть к любому освещению. Гораздо большее значение имело то, что воздух здесь оказался чистым и свежим, лишенным даже намека на ядовитый туман.

– Мазарин, люди близко? – спросила капитан.

Горы казались необитаемыми, принадлежащими только планете, но уж никак не человеку. Однако Альда чувствовала, что это лишь иллюзия. Жизнь была рядом, так много – и такая разная, сложная...

– Они идут к нам, – сообщила Альда.

– Как они настроены? Вы чувствуете враждебность?

– Нет, враждебности нет... Они нас побаиваются, некоторые насторожены, некоторые испытывают надежду. Но нападать никто не собирается и ловушки здесь нет.

– Хорошо, продолжайте наблюдение.

Следить за множеством развитых сознаний одновременно всегда было сложно. При таком рассеянном внимании Альда улавливала лишь общий эмоциональный фон и ключевые мысли, которые появлялись в настоящем. Заглянуть в память каждому обитателю колонии и определить, скрывается ли в горах убийца команды «Гранд Орион», она не могла.

Делегация колонии не заставила себя долго ждать. Из прохода, укрытого среди валунов, сначала вырвался луч белого электрического света. Уже в этом сиянии к гостям шагнули люди – группа мужчин разного возраста. Одеты они были вполне цивилизованно, не в обноски и не в звериные шкуры. Это намекало, что жизнь в колонии налажена неплохо.

Первым двинулся мужчина лет пятидесяти, высокий и подтянутый. Седина делала его чуть старше, но морщин на коже оказалось совсем мало. Голубые глаза наблюдали за пришельцами внимательно и спокойно, этот человек точно не паниковал. Он и обратился к ним первым:

– Добро пожаловать на Нергал. Меня зовут Иван Стеури, я избран Управляющим Обретенных гор.

Нергал, значит... Альде всегда было любопытно, как называли свою планету колонисты. По закону за ними закреплялось такое право первых поселенцев. Значит, в ближайшее время этому Кеплеру предстояло во всех каталогах и картах стать Нергалом.

Рядом с Управляющим стоял мужчина чуть постарше, но куда более мускулистый, облаченный в некое подобие военной формы. Он выглядел невозмутимым, как статуя, и Альда чувствовала, что его истинное настроение не так уж далеко от того, что он изображает. Мужчина не делал никаких выводов, он ничего не ожидал от гостей, он просто наблюдал.

– Это Эрнстин Вигели, – представил его Иван. – Генерал колонии. Я отвечаю за жизнь нашего общества, он – за оборону. Думаю, нас вполне можно назвать руководством колонии. Прошу за мной, мы действительно рады, что вы дали нам второй шанс!

Говорил в основном Иван, остальные мужчины оказались чем-то вроде чиновников, они в беседу не лезли и даже побаивались пришельцев. Генерал продолжал наблюдать.

Снаружи горы смотрелись едва обитаемыми, на присутствие человека указывали разве что редкие сады на каменных террасах и расширенные дороги. А вот внутри все оказалось иначе. Колонисты умело использовали цепь природных пещер, увеличили их, закрепили и получили настоящий город. Здесь были просторные залы, отданные под жилье, коридоры улиц, отдельные тоннели – явно частная собственность. Систему освещения организовали так грамотно, что лампы не ослепляли и эффективно подавляли тени. Вентиляция тоже оказалась обустроена с умом, Альда видела сложные фильтры на решетках, хотя и не могла толком изучить их с такого расстояния.

Проследив за ее взглядом, Иван пояснил:

– Яд сюда почти не добирается, но мы хотим быть готовы ко всему. Внизу, у основания гор, у нас тоже есть ворота наружу, пользуемся мы ими только ночью. Блокировка везде герме-

тичная. Любой воздух проходит сквозь систему очистки. Хотя по-настоящему опасен Нергал только днем, ночью это во многом прекрасное место.

– Прекрасное место, где убивают, – как бы между делом бросил Рале, оглядываясь по сторонам.

Альда не позволила себе обмануться его показной расслабленностью. Она помнила, как онотреагировал на это задание с самого начала. Телепатка надеялась, что он заглянет к ней еще до вылета, попросит подстраховать, она поможет... Но ничего такого не случилось, Рале предпочел справляться сам.

Иван заметно помрачнел:

– Я еще раз приношу свои извинения за то, что мы не смогли это предотвратить... Хотя мы пытались – об этом я еще расскажу, но не здесь.

Здесь и правда лучше было не задерживаться. Колонисты собирались толпами, чтобы посмотреть на новых гостей из космоса. Близо они не подходили, но постоянно перешептывались, и пещеры заполнял негромкий ровный гул.

Такое скопление эмоционально заряженных мыслей отвлекало Альду, и она была рада, что для переговоров выбрали другое место.

Команду проводили в просторный круглый зал, большая часть которого была занята деревянным столом. Здесь, видимо, проходили собрания правителей колонии – вряд ли что-то заранее готовили к визиту инопланетян. Но теперь лучшее место и искать было не нужно: удобных мягких кресел хватало для всех, каменные стены не пропускали посторонних звуков, сделанные из светлой ткани абажуры рассеивали свет, а вентиляция обеспечивала идеальную температуру.

«Мазарин, следите за тем, чтобы он говорил правду», – мысленно велела Лукия.

«Конечно, капитан. Я не могу проверить память у всех сразу, но так, по чуть-чуть, пытаюсь. Пока я не нашла ничего похожего на образы убийства. Рискну предположить, что никто из этих людей даже не видел гибель команды, об участии и говорить не приходится».

«Боюсь, в данной ситуации мне нужно нечто большее, чем предположения».

Даже когда все они устроились за столом, колонисты не спешили с началом переговоров. Вина давила на них, и чиновники рангом ниже тихо радовались, что им вообще говорить не обязательно. А вот у Ивана такого выбора не было, ему пришлось нарушить молчание.

– Если мы в чем и виноваты, так это в том, что не рассказали всю правду сразу. Я имею в виду по радио, до прибытия первых переговорщиков. Мы не сообщили обо всех опасностях этой планеты. Но мы боялись, что тогда и переговоров не будет... Мы исправили эту вину сразу же, как только ваши предшественники прибыли на Нергал. К сожалению, они не восприняли наше предупреждение всерьез.

– Вы знаете, кто убил их? – поторопил Рале.

– Да, мы... Мы знаем. Их убили дикари. Я предупреждал, что так будет, но они не поверили, решили, что дикари тоже заслуживают внимания и помощи...

Он явно намеревался пойти по второму кругу оправданий, и Лукии пришлось прервать его:

– Кто такие дикари? На этой планете есть аборигенная форма жизни? Разумная?

– Да... Нет... В смысле, они могут считаться разумной формой жизни, но они не с Нергала. Они тоже люди... Просто другие.

– Откуда здесь другие люди? – удивилась Римильда. – Ваши разбежались, что ли?

– Нет, они... Они не с «Утренней Зари». Они с «Авалона». Думаю, эту историю нам лучше всего начать с начала, – тяжело вздохнул Иван.

По праву жеребьевки, ставшей частью проекта «Исход», будущий Нергал, а тогда еще Кеплер, достался кораблю «Утренняя Заря». Кораблю «Авалон» выпала другая планета – кото-

рую капитан того корабля счел куда менее подходящей для жизни. Он решил не рисковать, он обманом добыл координаты Нергала и направил корабль туда же.

И само по себе это, может, было бы не так страшно, если бы при приближении к планете один из капитанов не допустил ошибку. Иван, разумеется, утверждал, что это сделал капитан «Авалона». Но Альда чувствовала, что он не знает наверняка, просто передает историю так, как выгодно колонии.

Ошибка дорого обошлась обоим кораблям: гиганты столкнулись, приземление прошло в аварийном режиме. По большому счету, они оба рухнули. Только «Утренняя Заря» оказалась в горах, а «Авалон» упал в джунгли. Сначала казалось, что именно второму кораблю досталась лучшая участь: он меньше пострадал, он был окружен цветущей природой. Но Нергал быстро явил крутой нрав, отравил людей ядовитым туманом, загнал обратно на корабль армиями хищников.

Тогда «Авалон» подал сигнал тревоги. Недавний уверенный конкурент просил о помощи, уже стало очевидно, что в первое время в горах будет безопасней.

Однако на помощь никто не пришел.

– Вы должны понимать, что нынешнее руководство не имеет никакого отношения к прошлому, – торопливо указал Иван. – Власть в колонии не наследуется, нас избрали. Если бы решение тогда принимал я, мы бы помогли...

– Это лирика, – холодно заметила Лукия. – Вам известны причины, по которым капитан «Утренней Зари» принял такое решение?

– Да, архивы сохранились... Там было много причин, но по-настоящему важных – две.

Одной из них стало плачевное положение «Утренней Зари». Толковой колонии еще не было, перспективы оставались туманными, потенциал планеты сложно было оценить. При падении корабля погибли люди – не так уж много, однако каждая человеческая жизнь теперь была драгоценна. Капитан прекрасно понимал, что, отправляя экспедицию на помощь «Авалону», он рискует потерять и людей, и ресурсы, так ничего и не обретя.

Второй причиной стал капитан «Авалона». Своим решением сменить планету этот человек уже продемонстрировал, что готов действовать нагло и жестко. Да, в просьбе о помощи он пообещал уступить правление капитану «Утренней Зари». Но никаких гарантий он дать не мог, а цена его слова оказалась невысока. Возможно, он прибыл бы в колонию с большими ресурсами – и подчинил бы всех, кто оказался в горах.

Так что капитан «Утренней Зари» принял решение никого никуда не посылать. А чтобы люди не возмущались, он выставил команду «Авалона» врагами, виновным в аварии, в падении, в смерти пассажиров. Много правильных слов, несколько доказательств, представленных в выгодном свете, и вот уже помощь им казалась кощунственной. Каждый корабль отныне был сам за себя.

После первого негостеприимного приема Нергал все же сменил гнев на милость. Люди быстро разобрались, что к чему, построили колонию, обеспечили себе безопасность. Свой дом они называли Обретенными горами, покидать его они не планировали.

А вот помочь другим были готовы. Колония стала сильной, получила собственную армию, наладила производство боевых машин. Теперь никто не сомневался, что чужаки не отнимут власть, ну а свежая кровь в условиях немногочисленного населения стала бы нелишней.

– Наши предки попробовали связаться с «Авалоном», но радио молчало, – сказал Иван. – Не то что они отказались отвечать или сообщили о своей обиде, сигнала просто не было.

У колонистов возникло подозрение, что их соседи не справились с испытаниями Нергала и погибли. Но в этом нужно было убедиться наверняка, а еще – использовать ресурсы второго корабля, всё, что сохранилось. Поэтому в джунгли отправилась хорошо экипированная боевая экспедиция.

В горы она не вернулась. Контракт с разведчиками был потерян пусть и не сразу, но довольно быстро, они не успели сообщить, откуда исходит угроза. Урок оказался тяжелым, и колония еще несколько лет осваивала равнины с большой осторожностью.

Зато горы продолжали развиваться. С флорой и фауной здесь было туго, но колонисты сумели использовать саженцы, привезенные с Земли, и это частично покрывало их потребность в продовольствии. К тому же недра Нергала щедро одаряли их металлами, минералами и даже веществом, очень похожим на нефть.

– Теперь мы использовали не только фрагменты «Утренней Зари», – пояснил Иван. – Когда был ликвидирован дефицит материалов, мы наладили производство боевых роботов. Разведкой занимались исключительно они, живыми людьми мы больше не рисковали.

Так колонисты и узнали, что пассажиры «Авалона» тоже выжили, они основали собственное поселение... Которое очень сильно отличалось от Обретенных гор.

– У них там культ. Неоязычество в чистом виде. Они придумали, что Нергал – это на самом деле живое существо, планета-мать по имени Брерис, и начали фанатично верить в этот бред. Люди, которые прилетели на космическом корабле! Если мы развивались, то они скатились чуть ли не в первобытнообщинный строй. Живут на деревьях, молятся на жрецов, совершают жертвоприношения... Жертвоприношения, понимаете? Человеческие в том числе!

– Примитивное общество, которое вы описываете, не продержалось бы на такой планете долго, – отметил Рале. – Есть подвох. В чем он?

– В магии, – неохотно пояснил Иван. – Точнее, в том, что они зовут магией. Поймите меня правильно: мы не можем подослать туда разведчиков, любого чужака в этом фанатичном сообществе сразу вычислят и убьют. Вся информация мы получаем в основном от тех, кто решился бежать из культа. А это обыватели, им известно немного. С самого основания колонии ею руководят жрецы, которые якобы на прямой связи с богиней Брерис и наделены ее милостью магическими силами. Еще там есть Глашатаи – воины, которые способны управлять крупными стаями местных хищников. Опять же, мы понимаем, что всему этому наверняка есть достойное объяснение. Мы его просто не отыскивали...

Колонии, которые не нашли общий язык, даже когда у них было хоть какое-то сходство, теперь и подавно сойтись не могли. В Обретенных горах сделали ставку на развитие технологий и свободу выбора. Культ населяли фанатики, которым невозможно было объяснить, что никакой Брерис не существует. В горах ценили каждую жизнь. В культе с готовностью шли на смерть во имя Брерис и действительно с легкостью приносили в жертву и своих, и чужих. В горах признали моногамию. В культе отсутствовало само понятие семейной пары.

Новые поколения вырастали настолько разными, что точек соприкосновения и вовсе не осталось. Колонисты смирились с тем, что дикари – это не полноценные соседи, это лишь новая угроза Нергала.

– Ну так и держались бы друг от друга подальше, – не выдержал Киган. – Эта планета раза в полтора больше Земли, вам места мало?

Альда понимала его возмущение. Она и сама задала бы такой вопрос, если бы не видела образы, скрытые в памяти Ивана. Эти образы говорили куда больше любых слов.

У колонистов и выбора-то не было. Дальше, за горами, начинался океан, для исследования которого пока не хватало ресурсов. Колония не могла обеспечить себя достаточным количеством пищи, время от времени людям нужно было спускаться на равнины. А там уже ждали сторонники культа, которые всех остальных считали нечистыми, проклятыми, не достойными милости Брерис. Да и стремление колонистов украсть часть выращенного ими урожая сектанты встречали без понимания.

С приходом человека Нергал превратился в планету вечной войны. Затишье если и наступало, то ненадолго, перемирия никак не могли удержаться. Понятно, почему: для гармонич-

ного существования одному из сообществ нужно было принять ценности другого, а ценности эти были слишком разными, порой исключаящими друг друга.

И вроде как Альда осознавала, почему так случилось, помнила курс государственности колоний, его в академии проходили. Но принять, что такое действительно произошло, оказалось нелегко. Война – это вечный тормоз, пожиратель ресурсов... Два корабля могли бы многого добиться, у каждого из сообществ были свои преимущества! А они предпочли все это швырнуть в топку взаимной ненависти.

Раздражение отвлекало, мешало следить за мыслями колонистов. Чтобы хоть как-то выпустить его, Альда мысленно обратилась к Триану – с кем еще делиться, если не с самым близким?

«Нет, ну как они могли? Все так грандиозно просра... Хм... Упустить? Подумаешь, подрались в начале, неужели за сто лет нельзя было помириться?»

Триан, в отличие от нее, оставался спокоен. Для него судьбы двух колоний стали лишь одним из обстоятельств новой миссии – и не более того.

«Мелкая, отключи в себе негодующее дитя и вспомни, что ты солдат. Как солдат и думай. Их первые драки вообще ничего не значат. Войны начинаются не с битв, а с благородных идей. Битвы – лишь логичное продолжение».

«Не очень-то эти идеи благородные, если привели к войне!»

«Опять же, война – процесс, который служит определенной цели. Иронично тут другое: цели у колоний как раз одинаковые. Каждая хочет сохранить власть и свой образ жизни».

«А страдают в итоге все!»

«Да. И это тоже типичная черта войны».

Лукия, даже не зная об этом мысленном разговоре, определенно поддерживала Триана. Она не позволила беседе укатиться в бездны истории, капитан спросила:

– Вы утверждаете, что команду наших предшественников убили адепты культа, я правильно понимаю?

– Именно так! Я рассказал им то же, что и вам. Я говорил, что с дикарями бесполезно вести переговоры! Но они не послушали... И стало слишком поздно.

«Он говорит правду, – поспешила подтвердить Альда. – Никаких других воспоминаний у него нет, все так и было».

– Хорошо, – кивнула Лукия. – Мы все проверим.

В разговор впервые включился Генерал, до этого за всеми наблюдавший молча.

– Что вы собрались проверять? Очевидно же, что это дикари!

– Быть может, им помог кто-то из вашей колонии? Или это действительно были лишь они. Мы должны знать наверняка. До того, как это определится, иные переговоры между нами возобновиться не смогут. Хотя мы, безусловно, будем наблюдать за планетой и анализировать, насколько нам выгодно сотрудничество. А теперь давайте сосредоточимся на основных угрозах Нергала. Начать предлагаю с ядовитого тумана.

– А, это... – Иван устало улыбнулся. – Понимаете ли, ядовитый туман – это на самом деле совсем не туман...

Глава 3

Она была прекрасна. Только об этом и думал Даг-Мескалам, наблюдая за ней. Он сам от себя такого не ожидал, не мог объяснить внезапное притяжение – и не мог освободиться. Все то время, пока девушка стояла перед его матерью, он был не в силах оторвать от пленницы глаз.

Она была не первой женщиной с гор, которую он видел. В плен попадали и другие, разные, порой – красивые. Одни погибали быстро, другие жили в поселении много дней, но они пробуждали в Даг-Мескаламе лишь легкое любопытство. Да и то не своей красотой, а тем, что пришли из другого мира. Горы давно интересовали его, он хотел узнать больше, вот и наблюдал за женщинами, порожденными той реальностью.

А здесь, когда он увидел избитую, но оставшуюся гордой девушку, на грудь будто камень навалился, и кровь стала жаркой. Даг-Мескалам смутился, затаился, надеясь, что никто не заметит его странную реакцию. Кажется, другие жрецы на него странно косились... Но это ничего, не страшно, если не заметила мать.

Он вынужден был вмешаться, лишь когда девушке угрожала смерть. Даг-Мескалам напомнил, что за офицеров обычно очень хорошо платят. Это было правдой – но не всей правдой. Той ее частью, которая для него как раз имела наименьшее значение. А вот матери и другим жрецам хватило.

Даг-Мескалам втайне надеялся, что ему удастся завладеть горной девушкой. Нужно было осторожно подвести мать к этой мысли, намекнуть ей, но ни в коем случае не выдать свой истинный интерес, и тогда все сложится. Он готов был попытаться, он просто не успел.

Девушку отдали Глашатаю Теней. Решение было настолько неправильным, что Даг-Мескаламу пришлось закусить губу до крови, чтобы не выдать свое возмущение. Именно ему, ну почему?!

Даг-Мескаламу не нравились все Глашатаи без исключения. Умом он понимал, что опасаться их не нужно, они – его подданные, верные звери, готовые исполнить любой приказ господина. Мать действительно так считала. А вот Даг-Мескалам подозревал, что не все настолько просто... Глашатаи смотрели на него без обожания, свойственного иным подданным. Порой они, кажется, смеялись над ним без слов.

При этом они все были плохи по-разному, и Глашатая Теней уверенно можно было назвать худшим. Даг-Мескалам не понимал его, а непонимание влекло за собой неуверенность, даже страх. Глашатай Теней носил маску чаще, чем остальные... Чаще, чем требовалось, и за этой жуткой образиной невозможно было разглядеть его настоящее лицо. Говорил он очень мало, словно каждое слово причиняло ему боль. Если от него и удавалось добиться ответа, слова звучали монотонно и ровно, как будто для самого Глашатая они не имели никакого значения. Даг-Мескалам понятия не имел, что таится за его глазами. Это напрягало.

Обычно Даг-Мескалам старался держаться от него подальше, у них не было обязательных причин для встреч. Но теперь Глашатаю досталась девушка с гор, которую хотелось получить будущему жрецу, и все стало намного сложнее.

Безопаснее всего было бы забыть о ней и не соваться на территорию Глашатаев, а у Даг-Мескалама почему-то не получалось. Стоило ему закрыть глаза – и он снова видел ее перед собой. Такую тонкую, хрупкую, будто бы уязвимую – и все равно облаченную в форму офицера. Избитую так, что не каждый мужчина выдержал бы. Это Глашатай Теней постарался, кто же еще... Тупое животное, не способное оценить красоту. Но даже под этими травмами Даг-Мескалам видел, какая нежная у нее кожа, какие прекрасные черты – глаза цвета предрассветного неба, белые волосы, губы, наверняка такие мягкие, сладкие...

Он не мог заснуть. Спать он как раз не хотел, ее образ пробуждал иные желания. Но прежде, чем Даг-Мескалам успел поддаться им, его отвлекли голоса, доносившиеся из ком-

наты матери. Один, конечно, был голосом самой великой жрицы, а вот второй принадлежал Глашатаю Молчания. Это настораживало: глава разведки никогда не являлась к матери в столь поздний час без веской причины.

Даг-Мескалам прекрасно знал, что мать не позволит ему присутствовать при разговоре. При народе она вела себя так, как нужно, а вот от сына не скрывала, что на дух его не переносит. Раньше Даг-Мескалам расстраивался из-за этого, и пытался все исправить, и плакал ночами. Теперь же научился приспосабливаться.

Он выбрался в коридор, но направился не в комнату матери, а в соседнюю, гостевую. Туда великая жрица селила любовников, которые нравились ей больше других, однако нового фаворита она пока не выбрала. Зная, что ему никто не помешает, Даг-Мескалам затаился, прильнув к стене. Древесная кора здесь была совсем тонкой, чтобы любовник мог услышать зов своей госпожи. Теперь это позволяло уловить каждое слово, звучавшее в комнате жрицы.

– Новая группа больше прежней, – продолжала свой рассказ Глашатай Молчания. – И на этот раз их металлический ящик оказался сразу в горах, а не рядом с горами. Думаю, они учили уроки. Нам необходимо подготовиться.

– Сколько их там? – уточнила жрица.

– Мне сообщили о семи.

– Всего семь? Это же смешно!

– А было четыре.

– Семь, четыре, разница не так уж велика! Тех четырех мы легко раздавили. Теперь раздавим семерых, и будем давить каждого, кто покусится на наш дом!

– Эти показались мне другими, – настаивала Нисаба.

Глашатай Молчания была не из тех, кто беспокоится из-за любой мелочи. Напротив, она порой казалась слишком беспечной для главы разведки. Если насторожена даже она... Кто же прибыл с небес на этот раз?

Однако мать словно ничего не понимала, она казалась все такой же равнодушной, чуть раздраженной тем, что разговор еще не завершился.

– Ты в состоянии четко объяснить мне, чем именно они могут быть опасны?

– Нет, великая жрица. Это от меня скрыто.

– Значит и нет ничего! Если они прибыли в горы, в горах пусть и остаются. Или мы принесем новую жертву матери нашей Брерис! Видишь? Мы выигрываем при любом раскладе.

Даг-Мескалам прекрасно помнил тот день, когда впервые услышал о пришельцах с небес. Шок, восторг, ужас – все вместе, как поток пламени, обрушившийся на него, такое не забывается! Ему казалось, что отныне перемены неизбежны, обязательно, как бы мать ни цеплялась за былые порядки...

Но ничего на самом деле не изменилось. Глашатаи с легкостью уничтожили чужаков. Все пошло по-старому.

Так что и на этот раз, пожалуй, права мать, а не Глашатай Молчания. Даг-Мескалам решил, что подслушивать разговор и дальше нет смысла. Чужаки все равно не сунутся в поселок, если у них хоть какие-то мозги есть. А если сунутся – пожалеют, здесь хватает тех, кто готов заняться ими, Даг-Мескалему даже пальцем шевелить не придется.

Теперь он мог вернуться в свою комнату и снова размышлять о главном: как забрать горную девушку у Глашатая Теней до того, как это тупое животное ей навредит?

* * *

Колонистам удалось сохранить только одно тело. Винить их за это было бесполезно: они и так серьезно рисковали, направляясь к «Стреле», они не могли быть уверены, что культ не подготовил им ловушку.

Однако ловушки не было, до трупов попросту добрались хищники Нергала. Когда в джунгли прибыли колонисты, лишь одно тело все еще оставалось неподалеку от челнока. Его они как раз сохранили – как жест доброй воли на случай, если люди из космоса решат возобновить с ними переговоры.

Теперь тело перенесли в одну из медицинских комнат колонии. На вскрытии предстояло присутствовать только команде «Северной короны», руководители Обретенных гор спокойно восприняли просьбу не соваться сюда. Они считали, что дело в сентиментальности и традициях. Им не полагалось знать, что за закрытыми дверями будут обсуждать их судьбу.

Проводить вскрытие должна была Римильда, и она воспринимала это без лишних эмоций. Она понимала, что на остальных труп капитана может повлиять куда сильнее, они порой слишком нежными становятся. Что же до хилера... Она привыкла к смерти – и не знала этого капитана лично. Ну а то, что солдаты специального корпуса тоже умирают, не стало для нее открытием.

Римильда видела, что не все могли даже смотреть на труп спокойно – слишком уж сильно он пострадал. В стену сейчас пилились Альда, Рале и Киган. Капитан осталась все так же невозмутима. Стерлинг Витте и вовсе уселся в углу и демонстративно закрыл глаза. Раньше Римильда сказала бы, что он труслив. Теперь она допускала, что он попросту честен.

– Вы сможете отличить травмы, полученные при жизни, от посмертных повреждений, Фревилл? – поинтересовалась капитан.

– Естественно, за кого вы меня держите вообще?

– За шпионку и потенциальную предательницу, – проворчал электрокинетик.

– Отставить, Рэйборн.

– Да пусть развлекается, мне без разницы, – отмахнулась Римильда. – Что же до нашего покойника, посмертных повреждений у него мало. До него добрались какие-то зверьки, чуть погрызли, но это не критично. Большая часть того, что вы видите, случилась с ним во время последней битвы.

Смерть капитана «Гранд Орион» не была простой. Похоже, он сражался с кем-то – и проигрывал. Его нельзя было заподозрить в слабости: все указывало на то, что на него одновременно нападали десятки хищных существ. Они были сильными и быстрыми, либо хорошо прыгали, либо умели летать, потому что порезы и следы укусов Римильда находила по всему телу. Капитан наверняка убивал их, но место погибших занимали новые, и размер этой стаи невозможно было угадать.

Однако причиной гибели стала не только их атака. Хилер видела повреждения, которые могли быть нанесены лишь другим человеком. Причем силой противник капитана обладал человеческой, однако был обучен драться так хорошо, что этого оказалось достаточно.

Все это Римильда теперь пыталась объяснить остальным.

– Капитана убил один человек? – насторожился Киган. – Бред какой-то!

– Бред – это то, что тебя взяли в космический флот при полном неумении слушать, – указала Римильда. – Я сказала, что его убил человек и стая диких животных.

– Ага, а еще ты сказала, что они нанесли примерно одинаковый вред. Но как такое возможно?

– Это более чем возможно, Рэйборн, – вмешалась Лукия. – Каэлану Бойду, капитану «Гранд Орион», был присвоен номер 92. Это достаточно низкое положение в иерархии. Уровень его физической силы значительно уступал моему.

– Да, но все равно... Проиграть простому человеку?

– Кто говорит про простого? – удивилась Римильда. – Тот, кто с ним дрался, двигался исключительно хорошо. При человеческой силе он все равно наносил серьезные травмы, потому что знал, куда бить. Ну и группа поддержки в виде стаи неведомой хрени – вполне себе весомый аргумент.

– Метод убийства соответствует описанию того, как действуют местные Глашатаи, – заметила капитан. – Фревилл, вы можете описать животных, которые помогали убийце? Это позволит сузить круг подозреваемых.

– Ну, я ведь уже много сказала... Мелкие – от пятидесяти сантиметров до полутора метров. Не тяжелые, это указывает на легкие, возможно, полые кости. Я бы предположила, что птицы, но в ранах сохранилась жесткая серая шерсть и никаких перьев. Минимум одна пара лап у этих существ достаточно развитая, отдаленно напоминает человеческие руки. Когти не слишком длинные, но очень крепкие.

– Иван сказал, что у них в колонии есть описание большинства известных видов Нергала, – напомнила Альда. – Можем поискать там, кто подходит под такое описание.

– Значит все указывает, что их убили дикари? – уточнил Рале. – Ничего иного? Никаких оснований подозревать колонию?

– Что мне дали, с тем и работаю. Этого парня точно убили варварским методом! Целых костей у него почти не осталось, неповрежденных органов – тоже. Он умер, потому что фактор самоисцеления не справился с таким количеством ран. При этом ни одна из них не была нанесена сложным оружием.

Команда еще о чем-то спорила, но Римильда больше не прислушивалась. На «Северной короне» чаще спорят, чем соглашаются, к такому она уже привыкла. Для нее сейчас важнее было кое-что другое.

Римильда сдвинула одну из подвешенных над столом ламп, настраивая свет. Хилер уже видела, что внешние повреждения трупа покрыты коркой грязи. Эта грязь ее не интересовала, такое на раны могло набиться где угодно, при любой транспортировке. Римильда сделала несколько разрезов, сдвинула в сторону сохранившиеся ткани и ребра, чтобы получше разглядеть внутренние органы.

Тут тоже были мелкие камушки, песчинки и засохшие растения, но совсем другие, не такие, как снаружи. Похоже, неизвестный противник бил капитана с такой силой, что весь этот мусор оказался глубоко внутри.

– Ты выглядишь так, будто сейчас нырнешь туда с головой, – заметил Киган, подходя ближе.

– Знаешь, как ты можешь спасти себя от вечного паралича челюсти? Выведи на экран изображения, полученные со спутников – первые снимки трупов.

– Понял, делаю. А челюсть не трогай, я с ее помощью питаюсь.

– Я покажу тебе иной способ загонять еду в желудок, если что.

– Вы двое не могли бы проявить побольше уважения к покойному? – непривычно жестко поинтересовался Рале.

– Понял, извини, – смутился электрокинетик. Он открыл на планшете нужные снимки и развернул экран к Римильде. – Держи, вымогательница!

Фотографии лишь подтвердили то, что Римильда и так знала. Но в таких вопросах нужно быть уверенной до конца – потому что они делают все намного сложнее.

– Растений, которые я нашла внутри трупа, похоже, даже близко нет к месту обнаружения тел. Или мы плохо искали.

– Такое не нужно искать, – заметил Триан. Хилер была уверена, что он вообще не пришел на вскрытие, и лишь сейчас обнаружила, что легионер все это время скрывался в тени. Он даже не прятался, просто не двигался, и этого оказалось достаточно. – Внутри раны оказывается то, что было на ботинках и перчатках атакующего. То есть, распространенное, цепляющееся за все подряд.

– Ну вот ничего похожего я на снимках как раз не вижу. Хотя у снимков качество не лучшее, нужно лично смотреть.

– А что со временем смерти? – неожиданно заинтересовался Киган. – Я видел предварительные результаты в отчете об обнаружении тел. Оно верное, время это?

– Да, по времени все совпадает, – подтвердила Римильда. – А что?

– А то, что в том же отчете сказано: сигнал тревоги со «Стрелы» был запущен примерно в это же время. Мне такое сразу показалось подозрительным: когда на тебя бросаются со всех сторон, уже не до сигнала тревоги, тут бы отбиться! Но эта версия еще продержалась бы, если бы финальный бой состоялся рядом с кораблем. А теперь ты говоришь, что капитан был далеко от «Стрелы»...

– Скорее всего, далеко, точно утверждать я смогу, лишь осмотрев площадку возле челнока.

– Справедливо допустить худший вариант, – сказала Лукия. – А именно – то, что Фревилл права и капитан находился далеко от «Стрелы». Что это означает для нас, Рэйборн?

– Раз уж мы допустили это, давайте допустим, что остальная команда была рядом с ним. Там команда маленькая, такие обычно не разделяются. Так вот, если все они были далеко... Кто же тогда запустил сигнал бедствия? Они уже умирали, они бы не успели вернуться. Но кто-то это сделал!

Чтобы утверждать такое наверняка, нужно было сначала выяснить, насколько далеко команда находилась от челнока и какой была разница во времени между запуском сигнала и смертью солдат. Но от одного предположения, что кто-то забрался в «Стрелу», обошел все протоколы защиты и запустил сигнал бедствия, мурашки шли по коже.

Безумные сектанты, верящие в матушку-природу, такое сделать не могли. Даже указания на их сомнительную магию предполагали контроль над животными, нечто примитивное, не связанное со сложной техникой.

Сложная техника – это как раз по части Обретенных гор. При этом культ, несомненно, участвовал в убийстве, состояние трупа указывает на такое. Что же получается, никакой войны нет, колонии действуют сообща? Но Альда сказала, что Управляющий не соврал им ни единым словом...

В этой истории пока не сходилась вообще ничего. Лишь в одном Римильда была уверена наверняка: слишком рано объявлять виноватых и верить, что все закончилось. Но стоило ли ожидать, что команда специального корпуса, пусть и не самая могущественная, погибла от рук полуграмотных дикарей?

Капитан Лукия объявила то, о чем сейчас наверняка думали все:

– Полагаю, наше пребывание на Нергале затянется. Мы не имеем права делать поспешные выводы, когда за нами не будет никакого суда, только смерть виновных. Чтобы ускорить результат, нам придется разделиться. Я понимаю все связанные с этим риски, но мы теперь знаем куда больше, чем команда «Гранд Орион». Я настаиваю, чтобы все вы оценивали эту миссию как предельно опасную и вели себя соответствующе.

Римильда лишь кивнула. Ей не хотелось шататься по этой планете, но она понимала, что это необходимо. Если они продолжат бродить по Нергалу толпой, они будут слишком заметны, слишком предсказуемы. Они должны были делать то, чего от них никто не ожидал.

– Я останусь здесь, в колонии, – продолжила Лукия. – Компанию мне составит Рале.

– Что? – нахмурился телекинетик. – При всем уважении, капитан, мне кажется, что мои способности больше подходят для полевой работы...

То, что он тут же взбрыкнул, лишь доказывало, что Лукия правильно дала ему задание. Рале с самого начала этой миссии вел себя слишком нервно. Его нельзя в таком состоянии отпускать на плохо исследованную территорию – глупостей натворит. Лукия была единственной, кто способен его удержать, поэтому она и оставляла его при себе.

– Вы отказываетесь выполнять приказ, Майрон?

Он не ответил сразу. Он смотрел на капитана молча несколько секунд, и это был единственный протест со стороны телекинетика, который Римильда могла припомнить за все время, что она провела на «Северной короне».

Но в итоге Рале все же сдался.

– Нет, капитан. Если я нужен здесь, я буду здесь.

– Рада слышать. Нам необходимо больше информации о второй колонии, причем объективной, очищенной от давней вражды. Этим займется Мазарин, ее безопасность обеспечит Триан. Для разведывательной миссии вас двоих будет достаточно, вы хорошо зарекомендовали себя на подобных заданиях.

Альда кивнула, раздумывая о чем-то. Триан смиренно опустил голову, всем своим видом показывая, что он никуда не рвался, но, если капитан настаивает, он выполнит, конечно, он же не телекинетик какой – с капитаном спорить!

Римильда едва удержалась от того, чтобы насмешливо фыркнуть. Можно подумать, был хоть один вариант развития событий, при котором Триан и телепатка не смыслись бы куда-то вдвоем! Хотя тут Лукия поступила мудро: чтобы избежать нарушений дисциплины, проще всего разрешить их. Тогда все будет выглядеть так, будто ситуация у тебя под контролем.

– Расследование в полевых условиях продолжат Фревилл и Рэйборн. Площадку перед челноком «Гранд Орион» действительно нужно осмотреть. В идеале – найти остальные тела и определить причину смерти. Это сделает Фревилл. Рэйборн обеспечит защиту и изучит «Стрелу», чтобы установить, каким именно способом был запущен сигнал тревоги. Теперь Витте... Витте, полагаю, может остаться здесь.

Последняя фраза была сказана тем же тоном, что и все остальные. Однако и ее оказалось достаточно, чтобы понять: киборг нигде по-настоящему не нужен, его просто необходимо куда-то пристроить, чтобы под ногами не путался. Стерлинг то ли обиделся на это, то ли модернизация повлияла на него сильнее, чем ожидалось, но молчать он не стал.

– Капитан, разрешите внести предложение!

– Разрешаю, Витте. Что вы хотели?

– Я бы хотел пойти с Киганом и Римильдой. Я смогу изучить челнок по-своему... Да и вообще, я теперь многое могу!

– Вы уверены в этом?

– Абсолютно, – нервно кивнул Стерлинг, весьма далекий от образа уверенного человека.

– И вскочил на коня своего Стерлинг Смелый, и поскакал, и всех победил, – проворчал Киган.

Однако киборг не обратил на него внимания – видимо, вконец ошалевший от собственной храбрости. Капитан тоже не бросила в электрокинетика очередное замечание, она лишь кивнула:

– Пусть будет по-вашему. Задания получены, связь поддерживаем через передатчики, они должны здесь работать. Если все пройдет как надо, до рассвета мы все должны собраться в горах. Надеюсь, к этому моменту мы будем знать, кто уничтожил команду.

* * *

Лорена прекрасно знала, какого поведения ожидает от нее колдунья. Быстрых слез, криков истерики. Нелепых попыток убить того, кто будет отбрасывать пленного офицера, как полудохлого жука. Новое унижение, очевидное страдание.

Не дождутся. Никто из них.

Она готова была действовать отчаянно, лишь когда ей казалось, что впереди только смерть. Теперь же список вариантов вдохновлял Лорену куда больше. Она могла убить Глаша-

тая, действительно убить, могла даже сбежать после этого – и принести в Обретенные горы бесценную информацию о противнике.

Но для такого ей нужно было действовать грамотно, в первое время затаиться, чтобы ее мучители потеряли бдительность. Даже если смотреть на ублюдка невыносимо, а в груди при каждом его появлении будто что-то острое бьется, разрезая все на своем пути, заполняя грудную клетку кровью. В этом Лорена тоже видела определенное покаяние перед Невио: если она не сможет за него отомстить, то хотя бы выдержит ради него очень многое.

Пока же все обстояло не так плохо, как она ожидала. Ее не стали бросать обратно в клетку, отвели в дом Глашатай Теней – занимавший целый эвкалорис. В подобных домах Лорена еще не бывала и теперь изучала его, замороженная настолько, что даже месть уже не призывала ее так отчаянно. Ей казалось, что дикари не способны на нечто сложнее грубо выскобленного дупла, но все оказалось иначе.

Большие комнаты занимали весь ствол – от одной стороны коры до другой. Эвкалорис все равно выдерживал это и продолжал расти, хотя стены, пол и потолок сделали идеально гладкими, древесины внутри оставили совсем немного. Новые залы располагались на следующих уровнях, более высоких, добраться до них можно было по широким лестницам. Некоторые залы обустраивались без окон, в других же окна были – открытые ночью и заблокированные щитами днем.

Воздух внутри эвкалориса оказался особенным: прохладней, чем снаружи, и с легким пряным ароматом. Тут свою роль наверняка сыграли крупные капли сока, то и дело скатывавшиеся по стенам. Их собирали в специальные глиняные сосуды, установленные на полу, и куда-то уносили.

Совершенным оказался не только дом, но и мебель, наполнявшая его. Она была сделана из дерева, высушенных лиан, прессованных цветов и трав, а порой и звериных шкур. Лорена не сомневалась, что на колониальном корабле ничего подобного не было, да и быть не могло. Получается, дикари каким-то образом восстановили чертежи из архивов, привезенных с самой Земли. Не могли же они сами додуматься до создания кроватей, кресел, столов и шкафов! Раньше, когда Лорена представляла себе поселение этих вырожденцев, она была уверена, что спят они на гряде соломы, а обедают за камнем. Или вовсе жрут с земли. Однако то, что она видела перед собой сейчас, значительно превосходило многие жилища Обретенных гор. От этого становилось даже обидно.

Глашатай Теней жил не один. В его доме постоянно находились слуги, занимавшие два нижних зала. Они готовили, убирали, кормили сейкау, которых в доме оказалось на удивление много. Люди не боялись тварей, которые могли разорвать их на части. Они, видно, привыкли – или смирились. Лорена давно уже убедилась, что вера в эту их Брерис способна сделать из человека безвольный комок грязи.

Пленницу могли запереть и здесь, она видела клетки на первом уровне, у самых корней. Вот только этого делать почему-то не стали. Сам Глашатай Теней вообще не пошел с ней, в дом ее привели служители колдуньи. Ну а здешние слуги торопливо отводили от нее взгляд, они не подходили – какое там! Они спешно покидали зал при приближении Лорены, словно боялись чем-то от нее заразиться.

Это к лучшему, она все равно не хотела видеть этих дикарей. Или не таких уж дикарей? На верхних уровнях она обнаружила просторную ванну – наполнявшуюся вручную, но обладавшую неплохой системой слива. Зал тренировок оказался оснащен пусть и сколоченными из дерева, но сложными тренажерами. Ну и конечно, была кухня...

Лорена, сколько себя помнила, всегда связывала еду с тревогой. Еда может закончиться. Сезон плохой, всем пайка не хватит. Добавки нельзя – ничего больше нет. Будем есть то, что осталось. Таблетки от расстройства желудка возьмете в медицинском крыле. Хорошие сезоны

тоже случались, но настоящего изобилия не было и в них, еда в колонии по большей части оставалась скудной и безвкусной.

В поселении все обстояло по-другому. Даже перед пленницей без сомнений выставили три глиняных блюда – с полосками мяса, запеченного в травах, какими-то белыми кореньями и хлебом. Настоящим хрустящим хлебом! Она видела такой только в фильмах, привезенных с Земли. Лорена не представляла, что нечто подобное существует на Нергале. Слуги смотрели на нее насмешливо, похоже, с их точки зрения ее накормили плохо, унизили такой жалкой подачкой. Но для нее, выросшей в вечном голоде, это была лучшая трапеза в жизни. Лорена старалась не выдавать этого, остаться гордой, поначалу она даже хотела отказаться от еды – и не смогла. Руки, касаясь твердых боков еще горячего хлеба, дрожали. Слуги, наблюдавшие за ней украдкой, хмурились, не понимая, что происходит. Они, должно быть, укрепились в мысли, что пленница больна. Кто же в здравом уме трясется над жалким куском хлеба?

Пока она обедала, Глашатай Теней так и не появился. О том, чей это дом, напоминали лишь периодически проползающие мимо сейкау, но и они не обращали на Лорену внимания. Если так пойдет и дальше, пережить первые дни плена будет не слишком сложно...

Покончив с обедом, она двинулась дальше, на верхние уровни. Непривычное чувство сытости дарило приятное тепло. Даже раны, оставленные битвой с Глашатаем, кажется, болели меньше. Как много смогла бы добиться колония, если бы получила такое изобилие... И почему оно досталось дикарям, которые почти не отличаются от животных?

Проходя уровень за уровнем, Лорена наконец оказалась в спальне – не слишком большой, потому что здесь ствол сужался, отданной в основном темной кровати под тяжелым балдахином. Тут окно как раз было, пленница подошла к нему, выглянула наружу – и замерла в бессильном восторге.

Она всегда любила ночной Нергал. Лорена часто выходила на наблюдательную площадку в горах и смотрела на огни далеких джунглей. Но оттуда они казались небольшими неоновыми пятнышками, мелкой мозаикой, собранной детьми. Здесь же огни пылали, подавляя друг друга, переливались, почти ослепляли – но отворачиваться от них не хотелось. Сиянием было все: деревья, и небо, и сам воздух...

– Что ты здесь делаешь?!

Резкий высокий голос разрушил магию момента, напоминая Лорене, где она находится на самом деле. Незнакомый голос, но – женский, вряд ли он мог принадлежать Глашатаю. Обернувшись, Лорена обнаружила перед собой женщину старших лет в таком же платье, как у служанок, но украшенном разноцветными лентами. Видно, она тут была главной над прислугой.

На первый взгляд в женщине не было ничего отталкивающего: круглое лицо, большие, пусть и водянистые глаза, ямочки на щеках. Но каким-то образом черты, безобидные сами по себе, складывались в нечто хищное, сразу внушающее опасения. Даже если это был не тот хищник, который атакует, а тот, который считает за честь накопать себе насекомых в чужом дерьме. Лорена решила бы, что ее неприязнь вызвана тем, что женщина – дикарка, но нет. По отношению к другим служанкам, даже посмеивавшимся над ней, она ничего подобного не чувствовала.

Пожалуй, все дело было в том, что эта женщина посмела смотреть на офицера свысока. Такого себе не позволяли даже жители Обретенных гор.

– Никто не запрещал мне находиться здесь, – спокойно пояснила Лорена. – Никто мне вообще ничего не говорил.

– Я тебе говорю: пошла вон! – велела женщина.

– А ты еще кто такая?

– Я – Мешхе, я управляю домом великого и могущественного Глашатая Теней, я служу ему верой и правдой...

– А можно это верой и правдой делать где-нибудь в другом месте? Я ему не служу. Я пленница войны.

– Ты – грязь, которую выковыряли из копыта сигила! С чего ты взяла, что можешь войти в спальню владетеля и предложить ему себя, девка?

– Чего? – растерялась Лорена. Ей просто не верилось, что кто-то может предположить такое всерьез. – Да я скорее под унгаха лягу, чем под это существо!

– Как ты сказала?.. Да как ты смеешь!

Похоже, Мешхе действительно любила своего господина. Но не как женщина любит мужчину, для этого она была старовата. Она обожала его слепой рабской любовью существа, которое видит смысл своей жизни лишь в чужом одобрении. Он был светочем, она – паразитом, не способным жить без его поддержки.

Именно поэтому Лорена оскорбила бы ее больше, только если бы сказала, что никакой Брерис не существует. Собственно, это офицер и собиралась сделать, не успела просто. Мешхе бросилась на нее с возмущенным ревом, как атакующее животное. Судя по уверенности, с которой она попыталась схватить Лорену за волосы, старая служанка проделывала такое не раз, подчиненным от нее наверняка доставалось.

Вот только Лорена ее подчиненной не была и безропотно терпеть любую боль не собиралась. Никакие синяки и ссадины не помешали бы ей уклониться от летящей на нее туши. Лорена проделала все так легко, что служанка даже не сообразила, как это произошло. Мешхе пробежала по инерции чуть дальше и лишь потом остановилась.

– Не рыпайся, джесин тебя раздери! Или я сорву всю кожу с твоей безмозглой башки! Ты чего ухмыляешься?

А не улыбаться у Лорены не получалось, ее веселила мысль о том, что эта тетка искренне верит в свою победу. Впрочем, веселье было недолгим. Лорена не могла не думать об одном неприятном факте: что, если она смотрелась такой же жалкой в своей попытке одолеть Глашатая Теней?

Изменить прошлое она уже не могла, ей только и оставалось, что решить, как быть с этой теткой. Больше всего хотелось отправить Мешхе в живописный, но недолгий полет из окна. Вопрос в том, простят ли ей убийство служанки. Будет ли короткое удовлетворение от этого равноценной заменой всему, что она могла бы совершить, затаившись?

Размышляя об этом, Лорена без труда уворачивалась от мечущейся по залу женщины. Мешхе заметно раскраснелась, она тяжело дышала, запах ее пота расплзался по воздуху. Еще чуть-чуть – и она могла помереть тут от усталости, тогда Лорене вообще ничего не пришлось бы делать.

Однако Мешхе неожиданно перестала носиться по спальне. Она замерла на месте, а гнев на ее круглом лице очень быстро сменился обожанием. Секундой позже служанка рухнула на колени и поползла вперед, поскуливая:

– Господин мой, простите! Я не по своей воле так долго была здесь, это все она, она!

Лорена, пораженная этим зрелищем, сначала наблюдала за женщиной, потом – за ботинками, которые принялась с готовностью целовать Мешхе. Дальше взгляд скользнул вверх – по ногам, уже знакомой кожаной форме с ремнями, к лицу. На этот раз было лицо, не маска. Лорена, почему-то не ожидавшая такого, увидела истинный облик Глашатая Теней.

Его образ почти сросся с маской. Он был чудовищем по сути своей – и нуждался в чудовищной морде. Откуда в нем человеческое – да и зачем оно ему? И тем больше было удивление Лорены, когда она обнаружила перед собой человека без единой звериной черты.

Многие дикари отращивали волосы, усы и бороды, это она уже успела заметить. Но Глашатай оказался гладко выбрит, да и темные волосы он стриг коротко. Пожалуй, этого и следовало ожидать: с бородой в такой маске не очень удобно, потом половину трав на лице таскать придется. Глашатай не был красавцем, но не был он и уродом, каким ему полагалось

быть с позиции глобальной справедливости. Лицо чуть вытянутое, лоб высокий, подбородок четко очерченный, все черты крупные, резкие – портрет, вырезанный ножом, а не начерченный кистью. Еще одним отличием от обычных дикарей была кожа – не смуглая, как у них, а совсем бледная, постоянно скрытая под маской.

Глашатай Теней не обращал никакого внимания на полную женщину, заливающую слюной его ботинки. Он смотрел только на Лорену, и его карие глаза показались пленнице двумя раскаленными углями, обжигающими даже на расстоянии. Злые умные глаза. Единственный источник жизни на абсолютно неподвижном, ничего не выражающем лице. В его маске и то страсти было больше!

Он не был монстром – и все равно был. Лорена смотрела на него, запоминала, только чтобы ненавидеть уже в этом обличье.

Мешхе наконец сообразила, что ее усилия не умиляют Глашатаю. Она робко посмотрела наверх, на мужчину, возвышающегося над ней.

– Простите меня, хозяин, я не уследила... Никто не предупреждал меня, что она будет здесь! А когда я узнала о ней, она уже забрела сюда. Такого больше не повторится!

Она ждала ответа, а он молчал. Глашатай снова скользнул взглядом по Лорене и служанке, потом повел в воздухе рукой. Для пленницы это вообще ничего не значило, а вот служанка была удивлена.

– Мне... уйти? Вы уверены, мой господин? Но как же... Кто же... Вы сами желаете мारать об нее руки?

Он повторил движение, на этот раз чуть быстрее. Мешхе вздрогнула так, словно он хлестнул ее по щеке. Неуклюже, спотыкаясь, она подскочила на ноги и поковыляла к выходу, оставляя Лорену наедине с Глашатаем. От этого должно было стать лучше – а стало только хуже. Когда не на кого было отвлекаться, Лорена почувствовала, как привычная ненависть в ее душе переплетается с совершенно унижительным страхом.

Ей не следовало его бояться. Но было в глазах Глашатая Теней что-то такое, что не оставляло ей выбора. Лорене потребовалась вся сила воли, чтобы расправить плечи и говорить спокойно, без дрожи в голосе.

– Я не собираюсь нападать на тебя. Не сейчас так точно, я не для этого сюда поднялась. Понимаю, вы этого от меня ждете – и я, что скрывать, хочу, но пока не могу. Я не знала, что тут твоя спальня, я зашла сюда случайно. Это больше не повторится.

Она ожидала, что он заговорит с ней хотя бы теперь. Должен был – посмеяться, поиздеваться, упрекнуть. Но он лишь чуть заметно наклонил голову влево – и все. Лорена понятия не имела, как это понимать. От его каменного спокойствия было страшнее, чем от гнева или похоти. Она поспешила уйти, направились следом за Мешхе, чувствуя на спине обжигающий взгляд.

Ей казалось, что в этом доме она вернет хотя бы частичную власть над собственной жизнью. Теперь Лорена начинала подозревать, что ошиблась.

Глава 4

Альда только сейчас поняла, что успела соскучиться по этому – шагу в неизвестное, возможности действовать, а не наблюдать. Ну и по безопасности, которую обеспечивает присутствие легионера, что скрывать. Альде нравилась свобода, которая появлялась, когда они оставались наедине. Капитан, кажется, поняла это, да и остальные тоже... Немного неловко. Но не до такой степени, чтобы отказываться от собственных желаний ради игры на публику.

Теперь их встречала неоновая ночь. Сияли в основном растения, насекомых такого типа Альда не видела, но и растений было достаточно. Свет получался таким же ярким, какой давали бы фонари, он заливал все вокруг, но при этом делал небо бесконечно далеким, непроницаемо черным – звезды просто не выдерживали конкуренцию. Из-за этого возникало ощущение, что двое путешественников сейчас не идут по джунглям, а продвигаются через тоннель, образованный разноцветными электрическими лампами.

Жизнь здесь тоже была – разная, активная, дожидавшаяся ночи после ядовитого дня. Порой опасная, но уж точно не для солдат специального корпуса. Те, кто мог представлять настоящую угрозу, пока оставались далеко, телепатка легко контролировала окружающее пространство.

Альда не боялась этой миссии. Она не забывала, что на Нергале погибла команда, и не позволяла себе лишнюю наивность. Однако телепатка прекрасно понимала, что один лишь легионер смог бы убить ту самую команду минут за десять и не особо напрягаясь. Он ведь убил команду специального корпуса однажды... Но об этом предпочитали не вспоминать.

Альда вообще ни о чем не беспокоилась бы, если бы не состояние Рале. Нет, он не срывался сейчас, однако не мог скрыть, что подавлен. Однажды он уже проходил через кризис, и если это повторится снова, да еще и так скоро, последствия могут быть намного хуже...

– Как считаешь, с ним все будет хорошо? – спросила Альда.

Ее спутник все это время шагал рядом, но с ней не разговаривал. Триан не изучал планету с таким же восторгом, как телепатка, он казался задумчивым, а она, отвлеченная сиянием, его пока не тревожила.

Теперь же ему полагалось растеряться, спросить, о ком вообще речь – ведь они покинули колонию больше часа назад и никого с тех пор не обсуждали. Но легионер не был бы собой, если бы не догадался сразу.

– Рале? Он сказал, что в порядке, этого достаточно.

– Ты тоже всегда говоришь, что в порядке, независимо от того, что происходит с тобой на самом деле.

– Уела, – усмехнулся Триан. – Что же до телекинетика... Полагаю, он из тех, кто легко мирится с собственной смертностью, но напоминание о том, что остальные тоже смертны, повергает его в уныние. Перебесится. Или нет.

– Не самый дружеский подход...

– Мы не друзья. И ты утомись, он все равно не позволил бы тебе помочь.

Это как раз было верно. Альда могла бы вломиться в сознание телекинетика силой, но ни к чему хорошему это не привело бы – ни сейчас, ни потом. Куда большие шансы помочь были у капитана, причем безо всякой телепатии, совершенно иными путями.

Альде же хватало собственной работы. Изучение тех, кого на Нергале звали дикарями, могло стать настоящим вызовом как раз из-за предполагаемой «магии». Естественно, ни в какую магию Альда не верила. Даже обитатели Обретенных гор говорили о мистике с явной неловкостью, извиняющейся скованностью, смехом, призванным скрыть растерянность. Они были людьми науки и понимали, что магии не существует. Но они же своими глазами видели то, что подходило под определение «чудо». Они силились объяснить происходящее – и не могли.

То, что объяснения у них не было, означало, что команда «Гранд Орион» не демонстрировала при них свои способности. А вот в сражении с дикарями наверняка проявила всё – и всего оказалось недостаточно. Следовательно, у этих дикарей тоже развились особые способности, других вариантов нет.

Но какие и почему? Статистическая вероятность того, что на «Авалоне» были люди со способностями, конечно, была. Но без обучения такие способности должны были остаться спящими... И этих людей не могло быть так много, как описывают колонисты.

– Как думаешь, с чего лучше начать? – поинтересовалась Альда. – Понятно, что вести с ними открытые переговоры нельзя, а то из нас тоже попытаются сложить какое-нибудь занятное слово возле «Стрелы». Но можно наблюдать со стороны, а можно как-нибудь пробраться в их поселение...

– С сочинением диверсий повремени, мелкая. Мы не идем к самоназначенным магам. Не сейчас так точно.

– Почему это? – удивилась Альда. – Мы, вообще-то, к магам стартовали! Где мы сбились с пути?

– Заданию придется подождать, сейчас есть дела поважнее. Я хочу освоить контроль над патисуми.

Альда даже не знала, что на это ответить. Она просто замерла, ожидая, когда Триан объявит все сказанное шуткой. Но он ничего больше не говорил, он оставался все так же спокоен.

– Нам нужно вернуться, – тяжело вздохнула телепатка.

Теперь настал черед Триана удивляться:

– Зачем?

– Ты, похоже, где-то по пути мозг потерял, надо отыскать, а то нехорошо получается. Потому что я слабо представляю, как ты мог предложить такое с полной черепной коробкой! Это же невозможно...

– Мы не первый раз действуем через невозможное. Я понимаю все риски, но патисуми – слишком ценный ресурс, чтобы пройти мимо него.

Здесь Триан был прав. Колонисты считали патисуми проклятьем Нергала, но они, конечно, судили с точки зрения людей, которым это растение приносило один лишь вред. С точки зрения эволюции, патисуми был как раз уникальным видом, и понятно, почему он привлек легионера.

Когда колонисты впервые обнаружили ядовитый туман на Нергале, они были уверены, что это атмосферное явление – слишком уж густым и повсеместным он был, на Земле они не встречали ничего подобного. Но дальнейшие исследования показали, что основой рыжей завесы становится пыльца, испускаемая местными растениями.

Патисуми представляли собой крупный цветок, отдаленно напоминающий красно-рыжую лилию. Это растение-паразит могло появиться где угодно, оно с легкостью приживалось в почве, болотистой воде и даже стволах деревьев. Ядовитый туман разносил семена повсюду в облаках пыльцы, предугадать, где они взойдут, было невозможно.

Упавшее семя некоторое время таилось, пускало корни в глубину, но внешне никак себя не проявляло. Когда же закрепление завершалось, цветок появлялся и разрастался очень быстро – за считанные часы лепестки распахивались в диаметре до трех метров. Под влиянием солнечного света с них, вездесущих и неистребимых, срывались новые порции яда.

Яд этот был не только и даже не столько средством защиты патисуми от хищников. Природа наделила его другой ролью: он парализовал многих живых существ. Лишь некоторые выработали к нему иммунитет, остальные прятались днем по норам, дожидаясь благословенной ночи. Тем же, кому не повезло вдохнуть ядовитый туман, оставалось лишь посочувствовать. Ощувив близости подходящую жертву, патисуми подтаскивал ее к себе крепкими лепестками, как щупальцами. Если же это было невозможно, цветок мог переместиться с лов-

костью спрута, по строению он был примитивен: крупное соцветие и гибкая, неглубокая корневая система, никаких листьев или стеблей.

Так или иначе он должен был протолкнуть жертву внутрь бутона, сомкнуть вокруг нее лепестки, как кокон, – и сожрать. Новые порции яда не давали обреченному животному очнуться, но это к лучшему. У патисуми не было ни клыков, ни полноценной пищеварительной системы. Свою добычу растение несколько дней растворяло кислотным соком, все – ткани, органы, даже кости и шерсть. Финалом этой охоты становилось насыщение цветка-паразита веществами, необходимыми для формирования новых семян, и превращение останков жертвы в бесформенную слизь.

Как только на Нергале появились люди, патисуми попросту включил их в свой рацион. Почему нет? Они поддавались действию токсичного тумана, как самые обычные животные. Они подходили для питания. Ну а то, что они были умнее прежних обитателей планеты... Какая разница тому, кого интересует лишь плоть?

Колонисты пытались бороться с неожиданным врагом. Да, сначала они потеряли немало жизней, не разобравшись в природе тумана. Но потом они изменили стратегию, они действовали решительно... И ничего не добились. Семян патисуми в тумане летало слишком много, перехватить их все оказалось нереально. У этого растения не было четкой среды обитания, а значит, его невозможно было вытравить. Ночью еще был шанс уничтожить взошедшие цветы – они закрывались, превращаясь в плотные бутоны. Но какой смысл? Все равно что попытка истребить на Земле комаров, убивая их по одному! Рискуя жизнью, колонисты вырубали крупные цветы ночью. День пробуждал новые.

В конце концов люди смирились. Они затаились в горах, где ядовитый туман не мог до них добраться. Дикари тоже приноровились жить в вечной опасности, используя укрытия и целебные травы. Но покорить патисуми не удалось никому.

Альда понимала, почему на это растение нацелился Триан, для легионера оно было настоящим сокровищем. Но что толку, если его нельзя получить?

– Как штатный телепат «Северной короны» я говорю тебе свое решительное нет!

– Очень решительное нет получилось, – оценил легионер. – Сохрани, будешь периодически электроскату вручать. А мне необходим этот цветок.

– Триан, ты не можешь превратиться в растение! Не в том смысле, что с тобой что-то не так, а в том, что это невозможно. У вас анатомически нет ничего общего!

– Диана могла. Она как минимум в кратериум превращалась – это из того, что мы знаем.

– Диана – плохой пример. Ты и сам говоришь, что у нее были другие способности, выше уровень по телепатии, больше опыта по трансмутации. Да и потом, я сильно сомневаюсь, что Диана сразу же схватилась за кратериум! Мы же с тобой определили, что нужно начинать с существ попроще, хоть сколько-то близких человеку... А ты что? Один раз прошел перевоплощение в василиска – и все, уже мастер?

– Два раза, – уточнил Триан. – Используя материал Хайда, я перевоплощался в снежного демона. Все прошло успешно.

– Что?.. Это еще когда было? Где? Почему я не знаю?

– Недавно, на «Северной короне», в моей спальне. Тебе следует чаще туда заглядывать, там порой происходят удивительные вещи.

Это должно было сделать ситуацию лучше, а сделало только хуже. Получается, Триан был настолько уверен в себе, что решил обойтись без подстраховки. Он будто не понимал, что играет с огнем, что любая ошибка может уничтожить его – даже не убивая.

– И все равно нет, – покачала головой Альда. – Василиск и снежный демон – это одно. Но патисуми – это совершенно другая лига!

– Я понимаю. Но мне нужна эта лига. Я и сам признаю, что еще рано, и действую лишь потому, что другого шанса может не быть. Какова вероятность, что мы вернемся на Нергал?

– Ну... мы можем взять с собой фрагменты лепестков...

– Ты и сама знаешь, что этого недостаточно. Для перевоплощения мне нужен полный образец, желательно – живой. Сейчас, пока они спят, для этого лучшее время.

– И все равно нет, Триан. Я понимаю, как заманчиво иметь такое оружие, особенно с учетом всех недавних обстоятельств... Но я просто не могу это допустить – ради тебя! Риск слишком велик, оно того не стоит. Тебе нужно пройти не меньше дюжины перевоплощений, прежде чем пробовать нечто подобное. Да, уже не с патисуми – но с другим хищным растением, как будто этой дряни мало! Это не тот случай, когда нужно спешить.

– Боюсь, на то, чтобы не спешить, уже не осталось времени.

Он говорил все так же спокойно, и все равно Альда почувствовала укол тревоги. Триан не из тех, кто бросается словами просто ради драматического эффекта. И в случае с патисуми он понимал всю степень угрозы – уничтожить собственное тело, потерять себя, превратиться в живой труп...

Он шел на это, потому что из *желательного* такое оружие стало *необходимым*.

– Мне нужно о чем-то знать? – только и спросила Альда.

– Да, похоже, нужно... Хотя я надеялся этого пока избежать.

Больше он ничего не сказал, однако слова оказались и не нужны. Телепатка почувствовала, как он предлагает ей собственное воспоминание. Полностью передать и уж тем более навязать ей этот образ Триан бы не смог, способности легионера плохо подходили для такого. Он мог лишь позвать ее, чтобы она просмотрела сама.

Отказываться Альда не стала. Она проверила джунгли еще раз, убедилась, что ни одно из местных животных в ближайшее время не попытается ими закусить, и отключилась от реальности.

Она видела чужими глазами – но не глазами Триана. Вообще не глазами человека, слишком ярким все было, слишком четким. Клетка, белый мир за ее пределами... Лаборатория.

Значит, он показывал ей одно из воспоминаний, полученных от Хайда. Альда до сих пор не понимала, как он поддерживает связь со снежным демоном, одной телепатии для этого было бы недостаточно. Триан и не рвался объяснять. Но он то и дело ненадолго покидал «Северную корону», когда появлялась такая возможность. Вернувшись, он ничего не рассказывал, а телепатка не расспрашивала, ни на чем не настаивала, ждала, когда он будет готов. Теперь вот дождалась...

Ей почему-то казалось, что Триан создал снежному демону самые обычные человеческие глаза. Наивно, конечно. Хайд никогда не был человеком. Легионер просто адаптировал новую черту под хищную природу своего питомца. Сначала снежный демон, всю жизнь проживший слепым, был шокирован всем, что ему открылось. Но теперь он освоился, на глаза он полагался так же, как на слух и обоняние.

Научный отдел Легиона и правда обеспечил Хайду неплохие условия, о таком беспокоиться не приходилось. Да, снежный демон жил в клетке, но клетка эта была просторной, с подстилкой и даже тренажером, симулирующим движение по снежной равнине. А главное, располагалась она не в каком-нибудь зловещем подвале, а в одном из просторных лабораторных залов. Благодаря этому Хайд не скучал – и постоянно оставался под наблюдением.

Ну и конечно, он многое узнавал. Теперь его новые глаза видели, как двери в зал, до этого пустой, распахнулись, и сразу сталолюдно, шумно... Ворвался один человек, за ним – другие, успокаивающие его, но его же опасующиеся.

Альда без труда узнала этого человека – они были знакомы. Во время миссии на Феронии она встретила со многими легионерами, в том числе и новым номером 1, Рафалем Стромом. Молодой человек, созданный в рамках эксперимента, заменил Диану, его потенциал оценили как предельно высокий, почти безграничный.

Легионер такого уровня должен был пугать, но бояться Рафаля не получалось. Миссию на Феронии он провел великолепно: он был собранным, сдержанным и вежливым даже с теми, кто этого не заслуживал. Он быстро принимал грамотные решения и управлял легионерами, которые были намного старше и опытней его. Казалось, что он – подарок судьбы, он должен справиться со всем...

Но сейчас он выглядел как человек, который не справляется вообще ни с чем. Он был весь, с ног до головы, покрыт кровью и комками чего-то темного – то ли кровавых сгустков, то ли кусков плоти. Сначала Альда решила, что он ранен, но нет, кровь была не его – форма легионера осталась целой. При этом глаза у Рафаля были совершенно потерянные, шальные, парня трясло, как обычного гражданского. Он метался по залу, чтобы этим бессмысленным движением хоть как-то выпустить переполнявшую его энергию. Его взгляд скользил по чему-то, что видел только он. Рафаль говорил, не обращая внимания на ответы ученых, и голос его заметно дрожал.

– Так же нельзя, нельзя... Они все умерли, люди в мясо превратились...

Ученые умоляли его успокоиться. Кто-то был осторожен, кто-то явно знал Рафаля давно и обращался к нему на «ты». Пользы не было при любом подходе, легионер просто не видел тех, кто пытался помочь ему, не слышал их, да и говорил он не с ними.

– Если все обстоит так, именно так, где же тогда справедливость? В чем смысл... Нет смысла в нас, мы бессмысленны... Зачем это вообще?

Наконец ученым совместными усилиями удалось кое-как его успокоить. Рафаля куда-то увели, в зал скользнули роботы, зачистившие кровавые отпечатки на полу, мебели и стенах.

Казалось, что это финал, но Альда чувствовала, что у воспоминания есть продолжение, и пока ни о чем не спрашивала, просто смотрела.

В мире Хайда был перерыв, прошло время, события которого он Триану не передавал. Следующее послание снова было связано с Рафалем Стромом – но уже с совсем другим.

Номер 1 был таким же, каким Альда привыкла видеть его на Феронии. Собранным, уверенным в себе, способным улыбаться так очаровательно, что невозможно не улыбнуться в ответ. Таким и должен быть лидер Легиона – человеком, управляющим всем миром.

– Да я в порядке, – заверял он шагавших рядом с ним людей в белом. – Я прошу прощения за свой вчерашний срыв. Такое больше не повторится. Но даже то, что вы видели, было на самом деле не слишком важно для меня. Все в порядке, я гарантирую!

Вчерашний, значит... Прошли всего сутки, или даже меньше, и какой контраст! Альда не могла телепатически оценить состояние Рафаля через чужое воспоминание, но она видела все симптомы нервного срыва. Ну а на следующий день номер 1 казался безупречным, и, судя по его словам, он добился этого сам.

А раньше Триан говорил, что Рафаль освобожден от телепатических проверок. И все вместе это было очень плохо.

Воспоминание наконец закончилось, и Альда снова вернулась на Нергал. Контраст между белоснежным сиянием лаборатории и неоновыми переливами был настолько велик, что она невольно пошатнулась, но Триан успел подать ей руку.

– Теперь ты видишь, почему времени осталось мало? – спросил он. – Или ты считаешь, что я беспокоюсь зря?

– Нет, не зря... Если честно, его мгновенное и якобы легкое успокоение беспокоит меня куда больше, чем нервный срыв. При таком подходе велика вероятность, что он не проработал травму, он запихал ее куда-то вглубь себя, и ни один телепат это не обнаружит – потому что ни одного телепата не пустят в сознание номера 1. Но есть еще шанс, что он действительно справился, – указала Альда. – Он молодой, хорошо тренированный, явно умеет медитировать... Он мог справиться с потрясением сам.

– Мог. Но если он действительно справился сам, это лучший расклад. Он удержит контроль и все решится само собой. Я к лучшему не готовлюсь.

Возразить снова было легко. Указать, что пока еще ничего не ясно, один нервный срыв ничего не значит, это недостаточная причина для контакта с патисуми... Вот только Альда и сама понимала, что есть и другие важные моменты.

Они с Трином давно уже обсуждали, что абсолютный телепатический блок Рафаля приносит не меньше вреда, чем пользы. И на Феронии этот пацан получил опасную дозу мутагена, но от помощи и проверки отказался. А теперь такой нервный срыв... Номер 1 мог превратиться в угрозу, причем колоссальную. Но даже если нет, разве у Триана мало других врагов?

Когда ты один против всех и очень не хочешь умирать, все решает оружие.

– Ладно, – мрачно произнесла Альда. – Мне все это не нравится, мне дико страшно за тебя, и я даже не собираюсь это скрывать. Но это долбанное время и правда может нас подвести... Давай попробуем. И я очень надеюсь, что, если на Нергале действительно есть какие-то там боги, они этой ночью останутся на нашей стороне.

* * *

Лукии было не впервой вот так осматривать колонии. Зная о том, что на кону будущее, правители пытались впечатлить ее, показать, как много они могут предложить и как они ценны. Иногда такие беседы напоминали хвастовство детей, которые предлагают рогатку снайперу, работающему со сверхдальней винтовкой. Но в Обретенных горах было на что посмотреть безо всяких поправок на ограниченные условия развития.

– Мы пока освоили не всю гряду, – рассказывал Иван Стеури, лично сопровождавший гостей. – Только пять гор, но уж их мы используем по максимуму. Сейчас мы находимся в Небесном Пределе – это, можно сказать, наша столица, именно с этой горы когда-то начиналась колония.

В верхней части горы пещер не было, зато там колонистам удалось расширить естественные горизонтальные террасы. На них привезли плодородную землю и высадили сады, там умудрились прижиться яблони и виноград – из саженцев, которые были на «Утренней Заре». Правда, из-за долгих ночей урожай получался более чем скромным, но для людей важнее было скорее напоминание о Земле – о доме, который они хотели заново построить здесь.

– Большую часть урожая мы получаем от Ваймеды. Это гора, полностью отданная под сельское хозяйство. Там как раз много хорошей почвы, а пещеры мы используем как теплицы. Урожая хватает, чтобы покрыть до шестидесяти процентов потребностей колонии, это очень хорошо!

Он не сказал, откуда берутся остальные сорок процентов. Лукия пока решила не спрашивать. Она делала вид, что ее действительно интересуют лишь достижения колонистов. На самом же деле она искала подозрительные моменты – все, что указывало бы на внутреннее недовольство, скрытую агрессию, то, что могло привести к убийству предыдущих переговорщиков...

Пока ничего подобного не было. Жители Обретенных гор выглядели спокойными, ухоженными, искренне заинтересованными в своих гостях. Правда, многие показались Лукии слишком худыми – вес ниже допустимой нормы, однозначно. Но погрешность была не критичной. Возможно, так им легче было выживать в атмосфере Нергала.

Неподалеку от террас располагались ручьи, дающие пресную воду. Вокруг них постоянно мельтешили люди, наполнявшие сосуды и уносившие их куда-то. Лукия обратила внимание на то, что колонисты в большинстве своем носили разную одежду – очень даже неплохую, указывающую, что здесь есть намек на моду как элемент культуры. Но некоторые одевались почти одинаково, в длинные платья или простейшие тканевые робы. Такие люди отличались

и внешне: они казались более смуглыми, им остро не хватало уверенности колонистов. Они ходили быстро, сгорбив плечи, опустив взгляд к земле. Но Лукия не видела никаких наручников или следов пыток, да и многочисленностью такие группы не отличались. Она продолжила наблюдать.

Под ручьями, примерно в центре горы, на границе ядовитого тумана, начинались жилые тоннели. Самые крупные пещеры предназначались для общего пользования – здесь были организованы рынки, спортивные зоны, точки обслуживания – вроде парикмахерских и мастерских. Личные жилища были вырезаны в горной породе и пространством похвастаться не могли, но для уединения и безопасного сна их хватало.

Здесь Лукия снова увидела людей в одинаковой одежде. Они помогали на рынке: таскали тяжелые корзины, подметали площадки. Иными словами, выполняли примитивную работу – совсем как наверху. Тут уже Лукия не выдержала:

– А это кто?

Иван, до этого вещавший о великолепном развитии торговых отношений и собственной валюте, запнулся на полуслове. Он посмотрел на одинаково одетых людей так, будто только сейчас их заметил.

– Это? Переселенцы из культа.

– Их довольно много... Они так часто бегут оттуда?

– Не совсем, – смутился управляющий. – Некоторые бегут, но им там так промыли мозги, что решаются на побег единицы.

– Здесь у вас работают не единицы.

– Этих мы освободили. Бывает так, что наши отряды сталкиваются с их отрядами, когда рядом находятся гражданские. Наши побеждают и уводят гражданских сюда. В их нелепой религиозной системе тот, кто не умер в бою, считается нечистым и достойным лишь смерти. Но мы, конечно, не допускаем такую расправу над невиновными людьми! Они адаптируются к жизни в колонии, они ведь не виноваты, что выросли среди дикарей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.